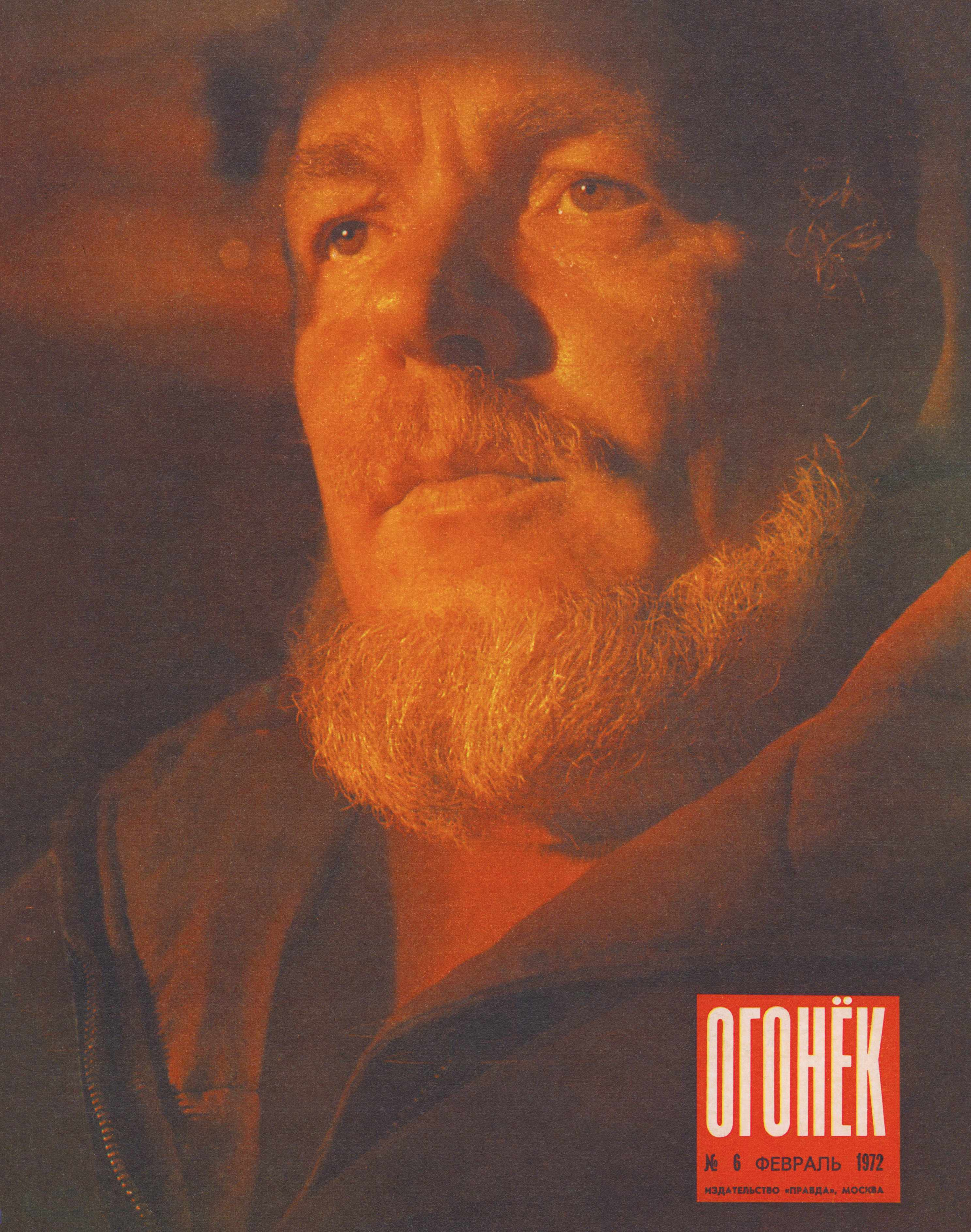

ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Прага. 25 января. Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

Советская делегация во время совещания.

Телефото специального корреспондента ТАСС В. Мусаэльяна.

Глава советской делегации Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев подписывает Декларацию о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе.

Встреча на Внуковском аэродроме.

Фото А. Пахомова и А. Устинова.

ВО ИМЯ МИРА, БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (2327)

5 ФЕВРАЛЯ 1972

В ПРАГЕ СОСТОЯЛОСЬ СОВЕЩАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТАТИВНОГО КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВ—УЧАСТНИКОВ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА. ПРИНЯТЫ ДЕКЛАРАЦИЯ О МИРЕ, БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ЕВРОПЕ И ЗАЯВЛЕНИЕ В СВЯЗИ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ АГРЕССИИ США В ИНДОКИТАЕ. СОВЕЩАНИЕ ПРОХОДИЛО В ДУХЕ БРАТСКОЙ ДРУЖБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА.

ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС И СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР РАССМОТРЕЛИ ОТЧЕТ ДЕЛЕГАЦИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ВОЗГЛАВЛЯЕМОЙ ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВЫМ, ОБ ИТОГАХ СОСТОЯВШЕГОСЯ В ПРАГЕ СОВЕЩАНИЯ И ВЫРАЗИЛИ ПОЛНУЮ ПОДДЕРЖКУ РЕШЕНИЯМ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТАТИВНОГО КОМИТЕТА.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

Комментарии к биографии

Директивами XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы предусмотрено поставить сельскому хозяйству за пятилетие:

1 700 ТЫСЯЧ тракторов,
1 100 ТЫСЯЧ грузовых автомобилей,
1 500 ТЫСЯЧ тракторных прицепов,
541 ТЫСЯЧУ зерноуборочных комбайнов,
230 ТЫСЯЧ силосоуборочных комбайнов...

Отправляясь в село, мы взяли с собой фотокопию этой заметки. Показывали ее пожилым колхозникам, молодежи. Взглянув на старые фотографии, все сначала смеялись: «Ну и техника была!» Но шутки быстро утихали, и вот уже кто-то из тех, кто постарше, достает из кармана очки, и снимки изучаются пристально, до деталей: может, кто знакомый отыщется? Фотокопия ходит по рукам, а старики, волнуясь, перехватывают ее друг у друга. «Вроде признал я того хлопчика в картузе... Арка такая у стадиона стояла...» Молодежь притихла. Гляди-ка, от дня сегодняшнего до старого века — всего одно поколение, одна неполная человеческая жизнь...

Долго смотрел на фотографии старейший коммунист села, почетный колхозник Федор Гаврилович Черноус. Узнавал сельскую улицу, припоминал имена дедов.

— То не соху хоронят, а плуг. Я за таким проходил полжизни, от своего круглосемейного батрачества до колхозного строя...

Теперь мало кто знает, что такое круглосемейное батрачество, а Федор Черноус начинал с него жизнь. Отец, мать, дети — все трудоспособные в семье шли за работой, как за милостью, к помещику, потому что своей земли у них не было ни сажени. Батраком умер у Федора батька — упал в поле у плуга и не встал. Сам Федор батрачил у семи хозяев, пока не призвали его на военную службу — воевать за царя. Вернулся в Перещепино он уже красноармейцем, с искалеченной в бою с махновцами рукой. Получил землю, поднимал хозяйство. В период продразверстки отнимал хлеб у кулаков, в коллективизацию организовывал колхоз. Не простили кулаки, запалили ночью его хату, и он едва успел вынести из огня малых детей... Так уходил старый век, так начинался век новый.

— Первый трактор, который пришел в Перещепино, назывался «Фордзон». Имущие крестьяне купили его сообща на свои деньги,— рассказывает знатный колхозный тракторист Андрей Степанович Вовк.— Кто был первым трактористом, припомнить трудно: я и близко-то боялся к машине подойти. Тогда казалось, что и учительский велосипед — чудо техники, а тут — трактор! И не мечтал я стать трактористом, потому что был неграмотным. В гражданскую отец с матерью померли от тифа, я с семи лет кормил сестер, а когда и те померли, пошел в работники. Где уж там учиться!.. В тридцатом году в Перещепине создали колхоз, пришли американские тракторы «Интеры». Поработал я лето прицепщиком и решился пойти на курсы трактористов. Из всей грамоты мог только свою фамилию написать. А через три месяца, когда закончил курсы, получил за хорошую учебу премию. С тех пор и тружусь в колхозе трактористом. Все тракторы, какие у нас были, через мои руки прошли. И сына к машинам с детства приучил, он сейчас инженер-майор, летчик...

— Как же, помню этот день,— говорит, глядя на фотографии, другой старожил села, комбайнер Петр Федосеевич Базарный.— Был я тогда хлопчиком. Тут пишут, что трактор «антонобилем» на селе называли, а я помню, другое кричали: «Бачьте! Железяка поихала!»

Помнит Петр Федосеевич и тот день, когда в Перещепино пришел первый комбайн «Коммунар». С того 1933 года и полюбил Базарный эти машины, да так, что работает на комбайнах по сей день. Когда Петр Федосеевич вернулся с фронта, в селе его ждали пустые, холодные хаты, ковылем поросшие развалины МТС. Но не руками же хлеб собирать... Прикинул комбайнер, где до войны хранились запчасти, и стал копаться в руинах. «Чудит Базарный!» — говорили в селе, а комбайнер находил то гайку, то шестерню, то целое колесо. И ведь собрал же комбайн, а еще и деталей отыскал на пять комбайнов!

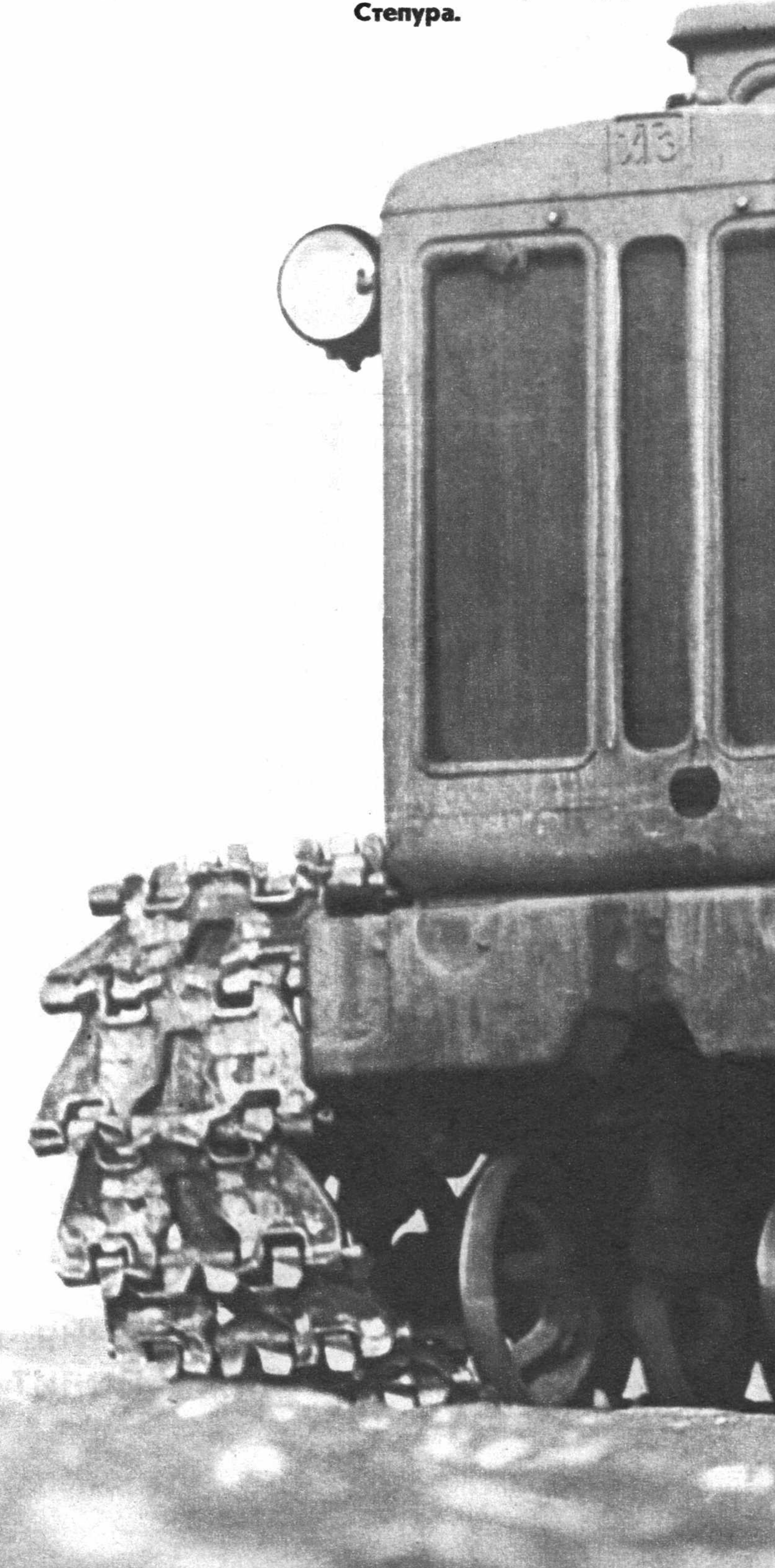
Много историй, связанных со старыми снимками, рассказали нам перещепинцы. И каждый раз разговор переходил на сегодняшний день: теперь, мол, все не то! И с гордостью оглядывались вокруг — на большое свое село, на мощную технику, на телевизионные антенны над крышами. Рассказывали, что на колхозных фермах, в новом животноводческом городке, свинарки и телятницы больше имеют дело с электрорубильниками, чем с вилами и лопатами,— фермы недавно полностью механизированы. Говорили, что дома колхозников скоро будут обогреваться газом, что рядом с Перещепином теперь садятся самолеты сельхозавиации, а в машинном парке колхоза почти пятьдесят тракторов, четырнадцать комбайнов, десятки автомашин. Да и у колхозников есть свои личные автомашины, и нет в селе, наверное, хлопца, который не умел бы водить мотоцикл.

— Если оценивать общее положение, то дела наши идут в гору,— говорит председатель колхоза имени Дзержинского В. Ф. Степура.— Хозяйство рентабельное. Мясо — основной наш продукт — сдавали в прошлой пятилетке по 700 тонн в год, а в этом году сдадим 1 000 тонн, потом будем сдавать по 1 500. Лучшая доярка Анастасия Горбатова надоила в прошлом году 4 232 литра молока, да и средний надой по колхозу неплох — 3 314 литров. Крепнет экономика колхоза... Потому-то сравнивать наше село с тем, которое изображено на этих фотографиях, не могу. Слишком уж все тут непохоже...

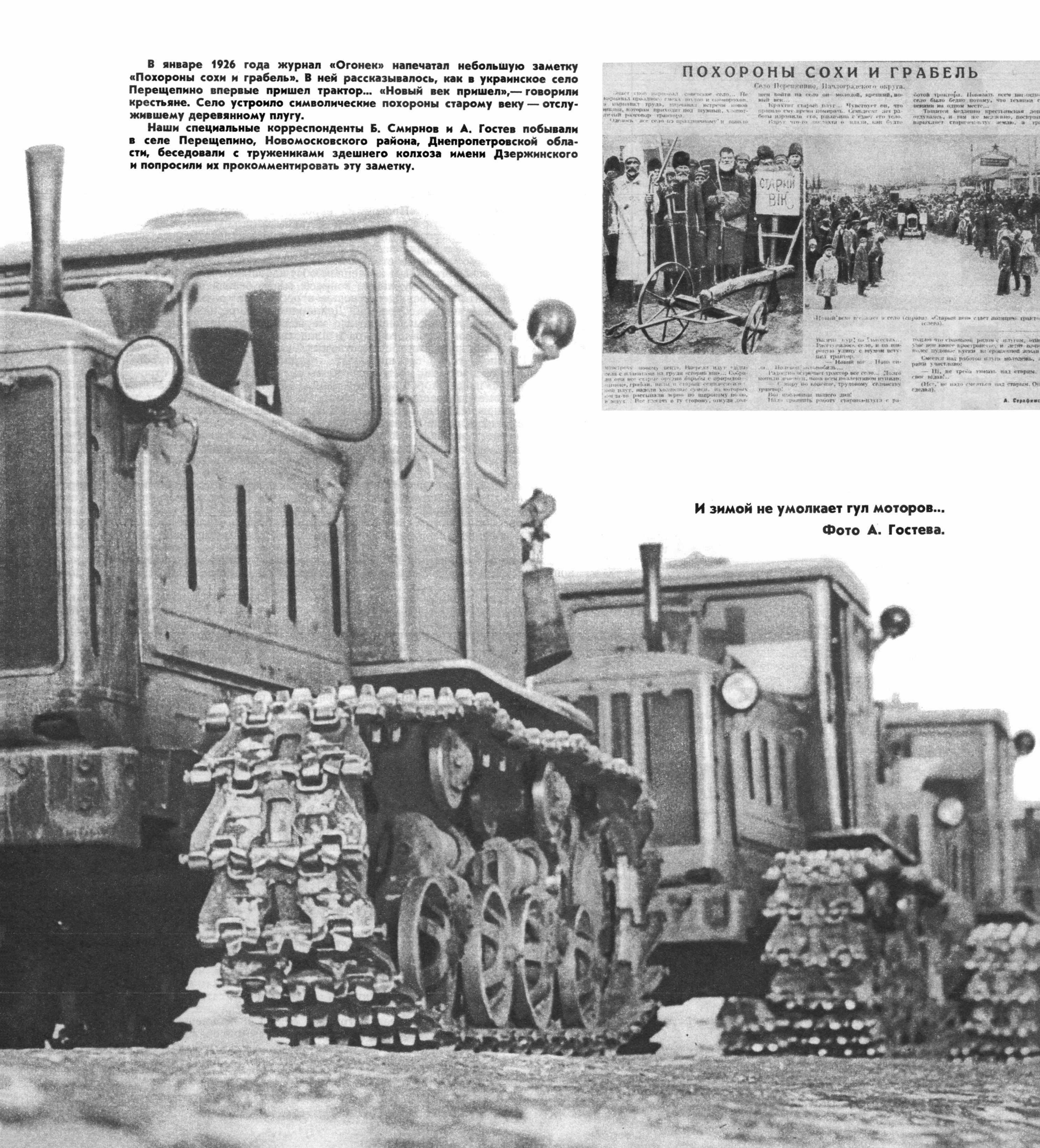
Федор Гаврилович Черноус организовывал в Перещепине колхоз в тридцатых годах. Сегодня во главе хозяйства — Виктор Федорович Степура.

ТУТ НЕПОХОЖЕ

В январе 1926 года журнал «Огонек» напечатал небольшую заметку «Похороны сохи и грабель». В ней рассказывалось, как в украинское село Перещепино впервые пришел трактор... «Новый век пришел»,— говорили крестьяне. Село устроило символические похороны старому веку — отслужившему деревянному плугу.

Наши специальные корреспонденты Б. Смирнов и А. Гостев побывали в селе Перещепино, Новомосковского района, Днепропетровской области, беседовали с тружениками здешнего колхоза имени Дзержинского и попросили их прокомментировать эту заметку.

ПОХОРОНЫ СОХИ И ГРАБЕЛЬ

Село Перещепино, Павлоградского округа.

«Новый век» въезжает в село (справа). «Старый век» сдает позицию трактору (слева).

И зимой не умолкает гул моторов...

Фото А. Гостева.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОЛЬСТЕРЕ

Вглядитесь внимательно в эти две фотографии. На одной из них — горящий дом. Может быть, некоторых из его обитателей уже нет в живых. Они, как и многие другие, стали жертвами произвола британских оккупантов.

А вот вооруженные до зубов английские вояки. Для них зарево пожаров уже привычно и не вызывает ни чувства жалости, ни угрызений совести о содеянном. Они беспощадно сеют смерть и разрушения.

На другой фотографии — траурная процессия в Белфасте. В последний путь провожают миссис Мойру Михен, трагически погибшую от рук английских оккупантов. Четверо маленьких детей остались без матери.

Многострадальная земля Ольстера обильно полита кровью тех, кто борется за свободу и социальную справедливость. Преступления британского империализма вызывают гнев и возмущение всего прогрессивного человечества.

Фото ЮПИ.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ПРОГРАММА ЕВРОПЕЙСКОГО МИРА

Николай **НОВИКОВ**

«Хартия Европы», «Программа европейского мира», «Новая инициатива в интересах безопасности Европы» — под такими заголовками зарубежная печать комментирует итоги совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, состоявшегося 25—26 января в Праге. Чем же объясняется столь большое внимание к итогам пражского совещания? Прежде всего огромным значением обсуждавшихся международных проблем. В Праге рассмотрены актуальные вопросы мира, безопасности и сотрудничества в Европе, решительно осуждены новые агрессивные акты США в Индокитае. В принятой участниками совещания Декларации о мире, безопасности и сотрудничестве в Европе указаны конкретные меры по превращению нашего континента в район постоянного прочного мира и плодотворного сотрудничества между суверенными и равноправными государствами.

В Европе сегодня сосуществуют государства с самой старой буржуазно-парламентской системой и страны с новым, социалистическим строем, утвердившимся только после второй мировой войны. На территории в 10,5 миллиона квадратных километров расположено около 30 государств, в которых живет почти 650 миллионов человек. Территория Европы остается географически неизменной. Но какие колоссальные перемены произошли здесь в области социальной! В наше время две трети европейской территории занимает содружество социалистических стран. Каждый второй житель Европы — гражданин социалистического государства. Исторические изменения не могут не влиять на политический климат на континенте.

Благодаря инициативе Советского Союза и других социалистических стран вопрос о коллективных усилиях европейских государств во имя упрочения безопасности в Европе практически был поставлен в повестку дня еще в конце 60-х годов. Социалистические государства неустанно борются за превращение Европы в континент мира и безопасности народов. Они с полным основанием считают, что Европа сегодня в большей степени, чем любой другой континент земного шара, подготовлена для коренного поворота к разрядке, избавлению от угрозы войны, упрочению отношений добрососедства между всеми государствами, сотрудничеству народов.

Ныне уже стало общепризнано, что в Европе силы сторонников «холодной войны» оказались в последнее время потесненными. На ход событий все активнее влияют те, кто считается с реальностями послевоенной Европы. Однако воинствующие империалистические круги продолжают свои подрывные действия.

«Позитивные перемены, происходящие на европейском континенте, разумеется, не порождают у нас, коммунистов, иллюзий,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в речи на VI съезде Польской объединенной рабочей партии.— Мы хорошо знаем, что в капиталистической Европе все еще продолжают действовать реакционные, милитаристские, реваншистские круги. Они хотели бы любыми способами занять решающие позиции в своих странах и попытаться отбросить Европу к временам «холодной войны». Все это обязывает к высокой бдительности и политической активности. Все это требует последовательного доведения до конца тех конструктивных начинаний и акций, которые обещают превратить Европу в континент мира и добрососедства».

С этой целью участники пражского совещания высказались в пользу скорейшего проведения общеевропейского совещания, в котором приняли бы участие на равноправной основе все европейские государства, а также США и Канада. Это совещание призвано положить начало созданию надежной системы безопасности в Европе. Оно может быть созвано в этом году.

Социалистические государства — участники Варшавского Договора на пражском совещании провозгласили основные принципы безопасности и отношений государств в Европе. Признание и практическое осуществление этих принципов должно обеспечить нерушимость существующих государственных границ, неприменение силы во взаимных отношениях между странами, мирное сосуществование государств с различными социальными системами, добрососедские отношения и сотрудничество в интересах мира, взаимовыгодные связи между государствами, разоружение, поддержку Организации Объединенных Наций.

Участники пражского совещания сурово осудили продолжающиеся бомбардировки территории Демократической Республики Вьетнам и другие агрессивные акции США в этом районе мира, вызывающие опасное обострение международного положения. Социалистические государства заявили, что они и впредь будут оказывать ДРВ, патриотическим силам Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи необходимую помощь и поддержку для отражения посягательств агрессора.

Совещание Политического консультативного комитета, проходившее в духе братской дружбы, явилось демонстрацией единства и сплоченности стран социалистического содружества. Ныне не силы прошлого определяют курс европейской политики. Этот курс определяют Советский Союз и другие страны социализма.

Маршал Советского Союза
ЗАХАРОВ
Матвей Васильевич

31 января 1972 года после тяжелой болезни скончался выдающийся военный деятель, один из видных строителей Вооруженных Сил СССР, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Матвей Васильевич Захаров.

Советский народ и его Вооруженные Силы понесли тяжелую утрату. Умер талантливый военный организатор, герой Великой Отечественной войны, отдавший все свои силы и опыт делу защиты социалистической Родины, укреплению ее обороноспособности.

М. В. Захаров родился 17 августа 1898 года в деревне Войлово Старицкого района Калининской области в семье крестьянина. Начав самостоятельную трудовую жизнь пятнадцатилетним подростком, работал слесарем на заводах Петрограда. В апреле 1917 года вступил в Красную гвардию и во время Октябрьского вооруженного восстания участвовал в штурме Зимнего дворца. В декабре 1917 года вступил в ряды Коммунистической партии. Неразрывно связав всю свою последующую жизнь с Советскими Вооруженными Силами, Матвей Васильевич прошел славный боевой путь от красногвардейца до Маршала Советского Союза.

М. В. Захаров — активный участник гражданской войны. Он принимал непосредственное участие в героической обороне Царицына, в ликвидации бандитизма на Северном Кавказе, неизменно проявляя высокую стойкость и храбрость.

В 1928 году М. В. Захаров окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе. Полученные знания он успешно применял на ответственных командных и штабных должностях. М. В. Захаров был начальником штабов армии, затем Ленинградского и Одесского военных округов, помощником начальника Генерального штаба РККА.

С первых дней Великой Отечественной войны М. В. Захаров в Действующей армии, последовательно занимал должности начальника штаба главкома северо-западного направления, начальника штаба Калининского, Резервного, Степного, 2-го Украинского и Забайкальского фронтов. В горниле ожесточенных сражений с немецко-фашистскими войсками и в период разгрома Квантунской армии японских милитаристов в полной мере раскрылись его организаторские способности, широкий военный кругозор и полководческий талант. М. В. Захарова отличали целеустремленность, твердая воля и личное мужество.

В послевоенное время М. В. Захаров назначается начальником Военной академии Генерального штаба. Затем он находится на руководящей работе в Министерстве обороны СССР, командует войсками Ленинградского военного округа, является главнокомандующим Группы советских войск в Германии и длительное время начальником Генерального штаба — первым заместителем министра обороны СССР. В последнее время М. В. Захаров находился на посту генерального инспектора Министерства обороны СССР.

Всю свою жизнь, знания и богатый опыт М. В. Захаров посвятил укреплению оборонной мощи нашей Родины, повышению боевой готовности Советских Вооруженных Сил. Он принимал деятельное участие в общественно-политической работе, избирался делегатом ряда съездов КПСС, а начиная с XXII съезда партии — членом Центрального Комитета КПСС. Матвей Васильевич Захаров был депутатом Верховного Совета СССР IV и последующих созывов.

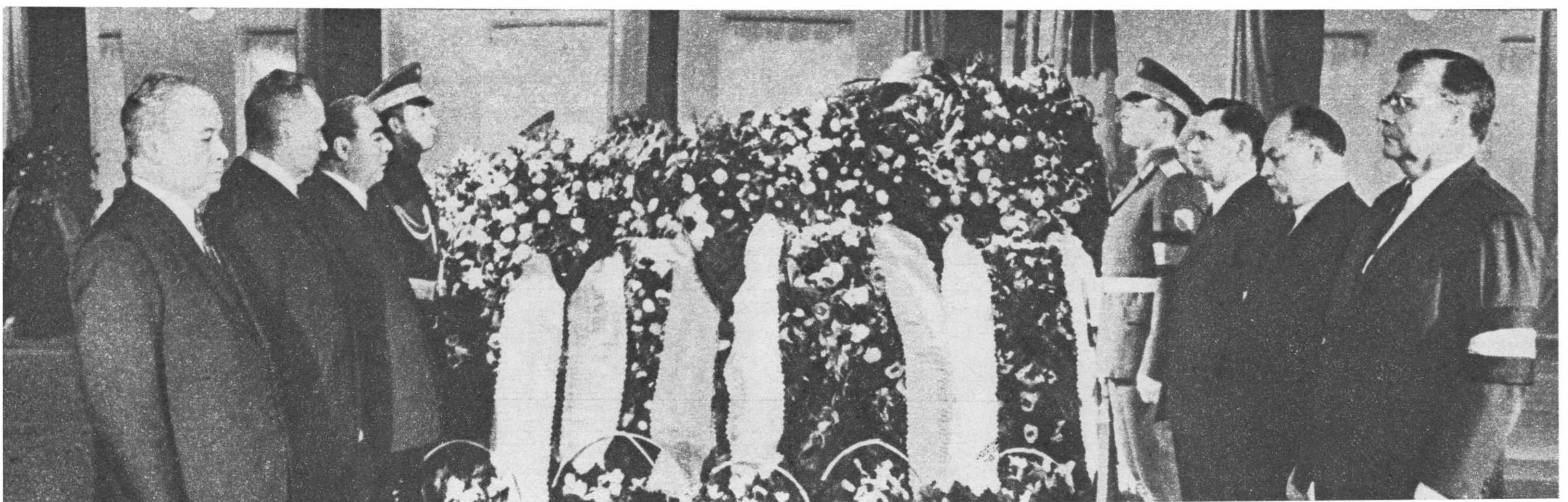
Замечательные партийные качества М. В. Захарова, глубокие знания военной теории, внимательность и чуткость к людям снискали ему любовь и всеобщее уважение. Его выдающиеся заслуги были достойно оценены Советским государством. Он дважды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, двумя орденами Кутузова I степени, орденом Богдана Хмельницкого I степени, орденом Красной Звезды, многими медалями. М. В. Захаров удостоен также звания Героя Чехословацкой Социалистической Республики, награжден орденами и медалями ряда социалистических стран.

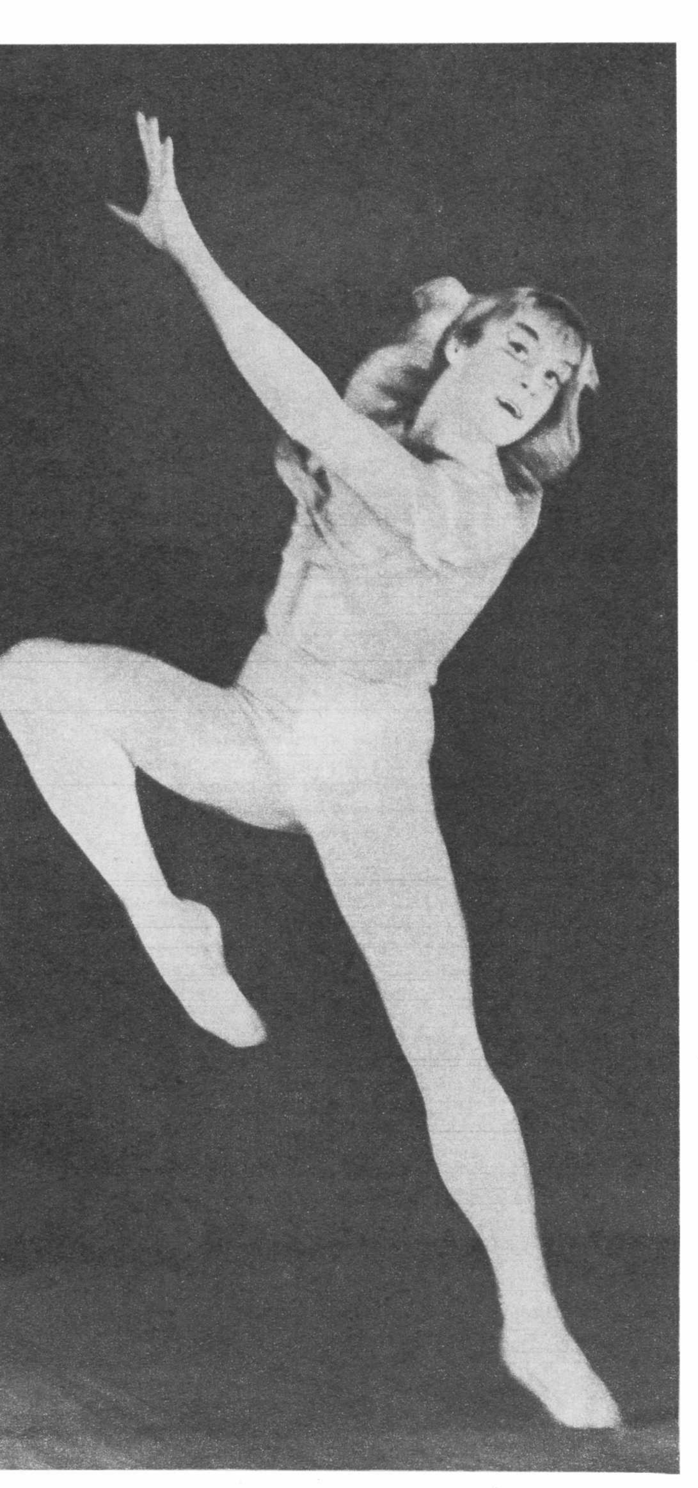
Светлая память о Матвее Васильевиче Захарове — верном сыне Коммунистической партии, выдающемся военном деятеле и пламенном патриоте Советской Родины навсегда сохранится в сердцах воинов армии и флота, всех советских людей.

Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, В. В. Щербицкий, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Б. Н. Пономарев, Г. Ф. Сизов, А. А. Гречко, И. И. Якубовский, В. Г. Куликов, А. А. Епишев, С. Л. Соколов, Н. И. Крылов, И. Г. Павловский, П. Ф. Батицкий, П. С. Кутахов, С. Г. Горшков, К. С. Москаленко, С. С. Маряхин, А. Н. Комаровский, Н. Н. Алексеев, И. Х. Баграмян, С. М. Буденный, А. М. Василевский, Ф. И. Голиков, Г. К. Жуков, И. С. Конев, П. К. Кошевой, В. И. Чуйков, М. П. Георгадзе, Н. И. Савинкин, С. П. Иванов, С. М. Штеменко.

Москва, 1 февраля 1972 года. Краснознаменный зал Центрального Дома Советской Армии. В почетном карауле — руководители Коммунистической партии и Советского правительства.

Фото В. Климова.

Солист балета Большого театра Александр Годунов (I премия).

Конкурсов теперь много... Но не у каждого из них такая счастливая судьба, как у только что закончившегося в Москве Всесоюзного конкурса балетмейстеров и артистов балета. Он принес почитателям вечно юного и прекрасного искусства хореографии новые радостные открытия. Это не только имена лучших молодых балетмейстеров и исполнителей. Главная победа конкурса — высочайший уровень культуры балета, который продемонстрировали молодые представители почти всех республик нашей страны.

Талантливые художники из Киева и Омска, Баку и Ленинграда, Якутска и Фрунзе еще раз подтвердили безграничность возможностей для творческого поиска, заложенных в классическом танце. Он дает все новым поколениям балетмейстеров, танцовщиков ту основу, на которой истинный художник строит свое произведение, наделяя его неповторимым национальным колоритом, индивидуальными чертами своего дарования.

Можно до бесконечности спорить и теоретизировать по поводу современных путей развития балета. Но в конце концов все проверяется конечными, практическими результатами — и теми, что воплощены на сцене, и теми, что возникают в зале, реакцией зрителей. Нынешний конкурс как раз и дал возможность судить о результатах. Самый большой успех выпал на долю работ, где главным было не оригинальное сочетание движений, поз, поддержек, а поэтическая осмысленность танца. В «Стремнине», «Журавлях», «Голубых далях», поставленных киевлянином Генрихом Майоровым (первая премия), ощущается настоящая художническая заданность его работ. В них чистота, лукавый юмор, поэтичный оптимизм юности.

Пафосом борьбы, неприятия лжи и несправедливости пронизана работа московских балетмейстеров Ю. Скотт и Ю. Папко «Зов Анджелы» (вторая премия). Интересные работы представил ленинградец В. Елизарьев, получивший также вторую премию.

Долго не смолкали аплодисменты после выступления бакинских танцовщиков Т. Ширалиевой и В. Плетнева, показавших на втором туре конкурса исполнителей номер «Мугам», поставленный их земляками Р. Ахундовой и М. Мамедовым. В этом необычайно красивом по своей пластике танце зримо воплощен дух национальной поэзии Азербайджана.

Конечно, не все номера, представленные на конкурс, оказались равноценными. Были творческие просчеты, были и просто неудачи. И, анализируя их, можно тоже говорить об определенных тенденциях. Самая бесперспективная из них — стремление к необычности любой ценой. И здесь наблюдается явление просто парадоксальное. Почему-то поиски этой псевдонеобычности приводят всех к одним и тем же результатам. Наверное, можно говорить уже о новых штампах, штампах-модерн, пришедших на смену давно осмеянным старобалетным условностям. Многие молодые балетмейстеры считают просто чуть ли не обязательными компонентами современного танца немыслимо неудобные поддержки, когда главное внимание зрителя сосредоточено на том, чтоб разобраться в сложном переплетении рук и ног исполнителей; стало почти правилом обязательное катание по полу...

Отрадно, правда, что штампы эти, едва родившись, начинают уже отмирать. Заслуга в том, на наш взгляд, возросшего уровня культуры балета, о котором мы говорили вначале.

Каждый конкурс предполагает сенсацию. Не надо предавать анафеме это слово, ведь оно означает и самую счастливую неожиданность. Балетный конкурс этого года подарил нам такую сенсацию, о которой любители балета мечтают уже не первый год. Первое место среди молодых танцовщиц жюри под председательством лауреата Ленинской премии Ю. Григоровича присудило ученице Пермского хореографического училища шестнадцатилетней Надежде Павловой. Первое место, которое нельзя поделить ни с кем. Не надо бояться громких слов, когда они заслуженны. Надя Павлова родилась Балериной. Описать ее танец почти невозможно. Для Нади танцевать кажется так же естественно, как дышать, говорить. Радостно, что такое редкое дарование попало в прекрасные руки пермского педагога Людмилы Михайловны Сахаровой, сумевшей передать девочке бесценный завет русской балетной школы: танец — это прежде всего красота и благородство.

Первую премию получил также А. Годунов, солист Большого театра. Московский зритель уже хорошо знает этого прекрасного танцовщика.

Москвичка М. Дроздова, ленинградки Л. Семеняка и В. Ганнибалова и киевлянка Л. Сморгачева получили вторые премии. Каждая из них обладает столь яркой индивидуальностью, что вместе они как бы воплощают весь диапазон классического балета. Смелая, блестящая М. Дроздова, утонченная, лиричная В. Ганнибалова, абсолютно классическая, на редкость музыкальная Л. Семеняка, четкая, пластичная Л. Сморгачева уверенно подтвердили свое право на место в большом искусстве. Жаль, что Людмилу Семеняку ленинградский зритель до сих пор не видел на сцене в настоящей, большой партии. Среди танцовщиков второй премии удостоен москвич В. Гордеев.

На заключительном концерте конкурса Генрих Майоров от имени всех его участников сказал, что главную цель своего творчества молодые балетмейстеры и артисты балета видят в том, чтобы «утверждать красоту и правду в искусстве». Будем ждать новых побед на этом прекрасном пути.

О. САХАРОВА

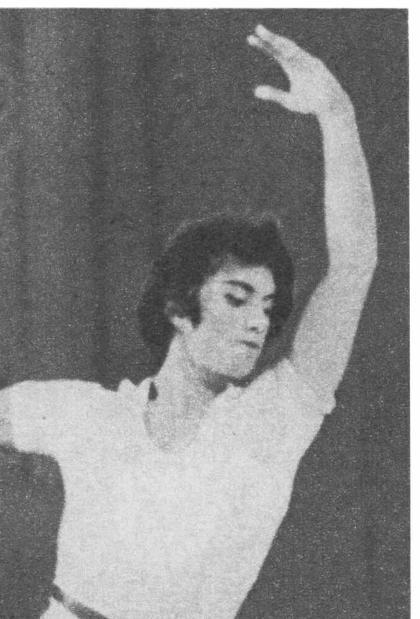
Фото Е. УМНОВА.

КРАСОТА,

Киевский балетмейстер Г. Майоров (I премия) репетирует с артистами номер «Журавли».

Вторые премии получили москвичи В. Гордеев, М. Дроздова, ленинградки

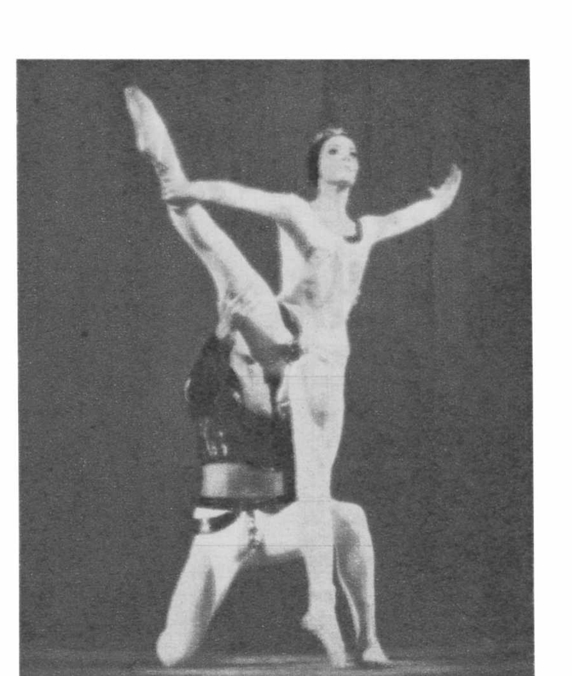
Шестнадцатилетняя ученица Пермского хореографического училища Надежда Павлова (I премия).

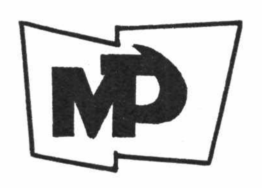
БЛАГОРОДСТВО

Л. Семеняка, В. Ганнибалова, киевлянка Л. Сморгачева.

ПОД ЗНАКОМ СЕРПА И МОЛОТА

Серп и молот на фоне раскрытой книги — это и есть издательский знак «Московского рабочего». Интересна история возникновения издательства, основанного на кооперативных началах в январе 1922 года. В его создании принимал непосредственное участие В. И. Ленин.

Неослабное ленинское внимание к только что обретшему жизнь издательству сразу наполнило его пролетарские паруса попутным ветром и придало нарастающий бег столичному книжному кораблю. Прямая тропа от фабрично-заводских ворот до издательских дверей никогда не зарастала. За минувшие полвека горячего труда и напряженной борьбы за боевую, партийную, высококачественную книгу по этой тропе пришли в издательство десятки и сотни рабочих авторов от станка, новаторов, рационализаторов, изобретателей, стахановцев, партийных работников. Рабочий автор в «Московском рабочем», как и в былые годы, званый и самый желанный гость. Здесь он находил и находит моральную поддержку, квалифицированную помощь, добрый совет.

И дождь брошюр и толстые томики выходят из-под пера рабочих столицы. За полстолетия составилась уникальная, исключительной исторической ценности библиотека о московском передовом опыте! Ее с полным основанием можно назвать интернациональной сокровищницей народного опыта социалистического и коммунистического строительства. Она написана подлинными хозяевами фабрик и заводов. Эта сокровищница не оскудеет.

Бурный пафос первых пятилеток со всеми их памятными на всю жизнь радостями, сложностями и трудностями, с накаленными шумными собраниями и гордыми праздничными манифестациями, с торжествами, с ликованием по случаю ввода в строй действующих первенцев нашей индустрии — все это и многое другое запечатлено на миллионах страниц всеохватывающей великой трудовой летописи москвичей, начатой «Московским рабочим» при жизни Ильича и успешно продолжаемой до настоящего времени.

Издательство выпускает большими тиражами литературу: политическую и социально-экономическую, производственно-техническую и сельскохозяйственную, краеведческую и художественную. Вышло немало интересных книг о Великой Отечественной войне, в помощь изучающим основы экономических знаний, по экономике и организации сельскохозяйственного производства. Из года в год пополняется классическими и современными произведениями «Школьная библиотека».

Как правило, многие наиболее весомые произведения современных писателей о ратном и трудовом подвиге москвичей находят путь к читателю через «Московский рабочий». Проза, поэзия, критика и литературоведение занимают достойное место в издательских планах.

Успешно продолжается издание популярных серий «Борцы за великое дело», «Страницы героической истории», «Богатыри», «Герои Отечественной войны 1812 года», «Беседы о религии»...

Добрым словом благодарности поминают читатели «Московский рабочий» и за то, что оно, продолжая славные традиции прошлых лет, неустанно пропагандирует лучшие художественные произведения современных писателей.

Вступающему во второе полустолетие ордена Трудового Красного Знамени издательству «Московский рабочий» новых больших успехов!

Михаил КОЧНЕВ

DAILY WORLD

ГАЗЕТЕ АМЕРИКАНСКИХ КОММУНИСТОВ ПОЛВЕКА

Газете американских коммунистов «Дейли уорлд» второго февраля исполнилось пятьдесят лет. Пройденный ею путь — это путь борьбы за социальную справедливость, равенство, свободу и демократию, лучшее будущее народа Соединенных Штатов.

Символична та обстановка, в которой начала издаваться рабочая газета. Был 1922 год. Многие делегаты одного из первых съездов Коммунистической партии США (тогда она называлась «Рабочей партией») были брошены в тюрьму. Именно здесь коммунисты стали выпускать рукописный листок под названием «Дейли уоркер», что означало «Ежедневная рабочая газета». Они мечтали о превращении еженедельной «Уоркер», издававшейся первый год, в ежедневную «Дейли уоркер».

Уже в январе 1924 года эта мечта воплотилась в действительность. В Чикаго вышел первый номер первой в мире ежедневной коммунистической газеты на английском языке. Тридцать четыре года она издавалась — сначала в Чикаго, а затем в Нью-Йорке. Когда из-за финансовых трудностей и атак ревизионистов в 1958 году газета стала выходить еженедельно, ее друзья, по свидетельству прогрессивного писателя и публициста Джона Говарда Лоусона, по привычке кратко называли «Дейли» (ежедневная) еженедельную «Уоркер». А с июля 1968 года в США вновь выходит ежедневная марксистская «Дейли уорлд», которая уже по праву заслужила уважение американской и международной демократической общественности.

Несмотря на преследования властей, травлю реакционеров всех мастей, газета американских коммунистов боролась и продолжает бороться, несет в народные массы идеи марксизма-ленинизма, идеи демократии и прогресса. Сила газеты в ее прочных, кровных связях со своими читателями. В их поддержке редакция черпает энергию для своей работы. «Газета была так же необходима для большинства наших читателей, как хлеб, который они ели, как дом, в котором жили. Многие, подобно издольщикам Юга, читали ее, рискуя своей работой, а может быть, и жизнью. Они собирали пяти- и десятицентовые монеты и доллары, чтобы обеспечить издание газеты»,— пишет известный публицист коммунист Дж. Норт. В свою очередь, пролетарские публицисты оказались достойны движения, которое они представляли и активными участниками которого являлись.

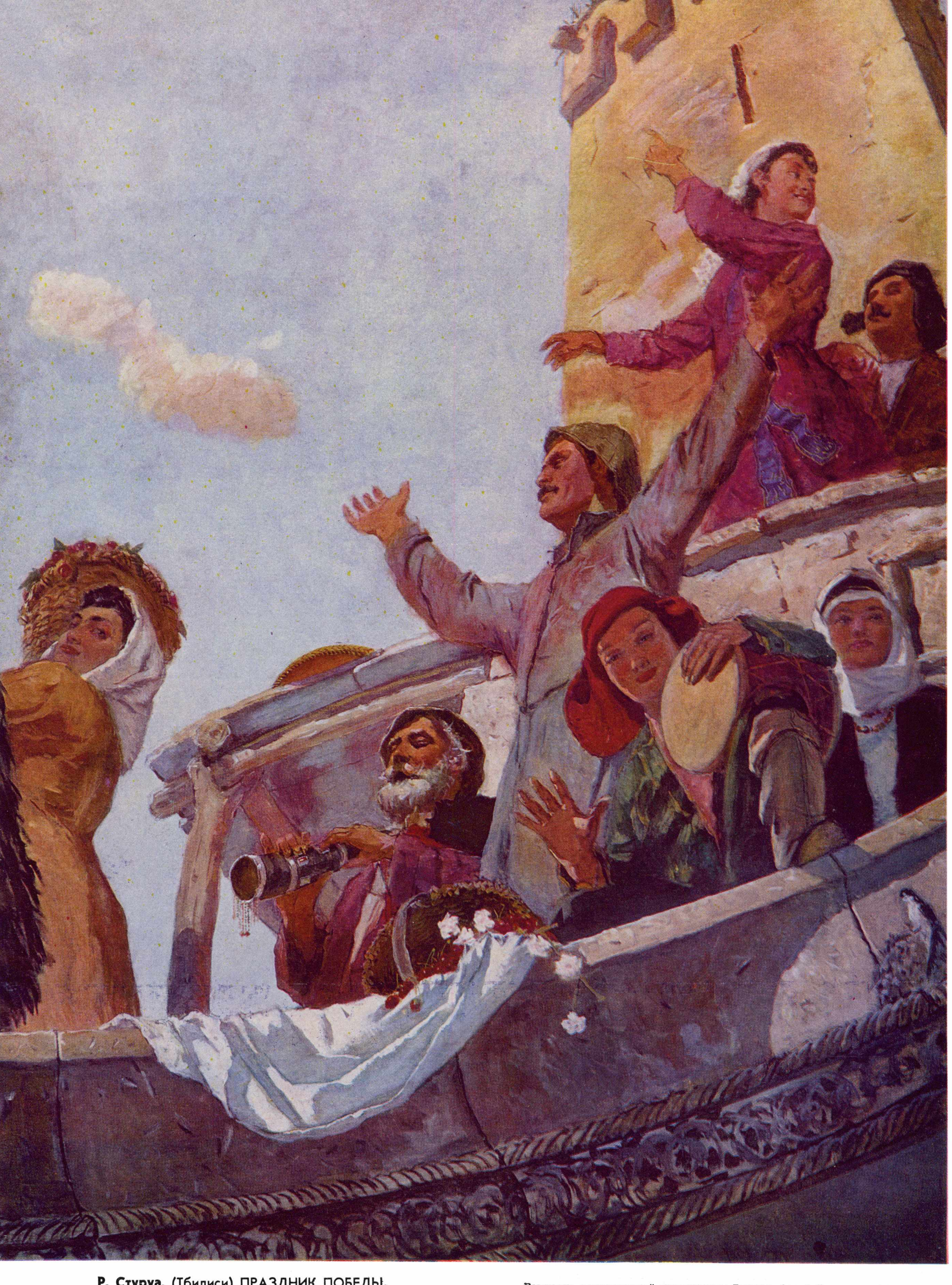
«То, чего мы достигли, было бы невозможно без поддержки коммунистической партии... Вера в научный социализм сделала нас самыми правдивыми»,— писали редакторы газеты в сборнике ее лучших материалов «Сражающиеся слова».

В. ПРЕСС

В. Нариманбеков. (Баку) ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ.

Выставка произведений художников Грузии, Азербайджана и Армении.

Р. Стуруа. (Тбилиси) ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ.

Выставка произведений художников Грузии, Азербайджана и Армении.

Л. ЛЕРОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

И СНОВА ГРЕЙФСВАЛЬД...

Я позвонил Павлу Мироновичу Синеокому, представился и сказал:

— Поздравляю вас, товарищ генерал, с наступающим днем рождения! — Отчеканив эту фразу почти по-военному, я тут же перешел на иную тональность: — Разрешите узнать, прилетел ли из ГДР ваш гость, Дитер Крон, бургомистр Грейфсвальда?

Наступила пауза. Генерал, видимо, несколько растерялся и не сразу продолжил разговор.

— А в какой, собственно, связи... И кто это сообщил вам о дне моего рождения и о бургомистре?

— Сообщили люди, избравшие вас почетным гражданином Грейфсвальда. Я только недавно оттуда, а теперь вот напрашиваюсь к вам в гости. Примете?..

* * *

О необычайной и беспрецедентной судьбе этого древнего города знают многие. И в ГДР и в СССР. О том, как все это было, как уцелел Грейфсвальд от разрушений войны, избежал бессмысленного кровопролития, о том, кому обязаны спасением своих жизней тысячи его горожан, тысячи обманутых Гитлером солдат, написана книга, поставлен телефильм. Автор книги и герой фильма полковник вермахта, кавалер рыцарского креста Рудольф Петерсхаген рассказал, что заставило его вопреки приказу Гитлера, угрожавшего «потерей чести и жизни» всем, кто вывесит белый флаг, сдать советским войскам город без боя. Полковник опирался на своих ближайших помощников, на демократические слои города, а независимо от него здесь действовали бесстрашные антифашисты с Германом Линдгреном во главе. Петерсхаген был начальником гарнизона и военным комендантом Грейфсвальда в те последние апрельские дни сорок пятого, когда советские войска уже стояли у ворот города.

30 апреля, в 4 часа утра, должна была начаться мощная артподготовка, а в час ночи в штаб Ударной армии генерал-полковника Федюнинского поступило донесение: на КП дивизии Борщева находятся парламентеры из Грейфсвальда и просят пощадить их университетский город, который будет сдан без боя. Генерал молча, нахмурившись, выслушал взволнованный призыв о милосердии. И не сразу ответил. А парламентеры с тревогой и надеждой смотрели на него: что скажет «господин генерал»? И вот они услышали его слова, в которых была и безмерная горечь выстраданного и высокое достоинство воинов-освободителей.

— Фашистская армия,— заявил Борщев,— совершила на моей Родине неслыханные злодеяния, разрушила и сожгла сотни тысяч городов и сел, расстреляла, повесила, умертвила в душегубках десятки и сотни тысяч ни в чем не повинных людей. Но Советская Армия даже в условиях такой жестокой войны верна принципам гуманности.

...Петерсхаген точно выполнил все условия капитуляции. Около 12 тысяч солдат и офицеров фашистской армии сдались в плен. В 11 часов утра в ратуше был оформлен акт капитуляции, и тут же был назначен военный комендант — полковник Синеокий...

* * *

Прошло с тех пор более четверти века. Как живет он сегодня, город, спасенный от военных пожарищ, как сложилась судьба тех, кто поразному был причастен к его спасению? Еще в Берлине я узнал, что нет уже в живых Рудольфа Петерсхагена, человека, сумевшего после мучительных колебаний и раздумий перейти из стана фашистских офицеров в лагерь строителей новой Германии. В городе и поныне чтут его и уважают. И к фрау Ангелике Петерсхаген я шел по заснеженной тихой улице, которая носит имя ее покойного мужа. Мемориальная доска на доме № 10 напоминала о человеке, который прожил здесь много лет, среди которых год сорок пятый явился своеобразной плотиной, повернувшей «реку жизни» гитлеровского полковника по совсем иному, трудному, но светлому пути...

Нас радушно встретила красивая, подтянутая женщина с лицом без единой морщинки, хотя лет ей уже предостаточно. Она деятельна, энергична, говорит резко, громко, особенно когда вспоминает события минувших лет, сложно и круто изменившие жизнь немецкой аристократки, воспитывавшейся вместе с отпрысками кронпринца. Богатые и именитые родители прочили ей карьеру фрейлины при дворе. И с детства внушали, что есть чернь и есть белая кость. А потом даме из великосветского салона вскружили голову гитлеровские идеи «великого предначертания нации»...

— Я обо всем этом пишу сейчас в своей книге,— говорит фрау Петерсхаген.— Постараюсь все объяснить... Рудольф часто выступал перед рабочими, студентами. И его всегда спрашивали: «Вы рассказываете, как помогала вам жена, Ангелика. Вы называете ее своим другом, помощницей и единомышленницей, но как же она, немецкая аристократка, пошла за вами?» Это не так просто объяснить... Но я попытаюсь ответить и тем, кто уважает меня, и тем, кто презирает. Там, на Западе... Мы получали оттуда много писем от бывших друзей, знакомых, родственников. Одни угрожали, другие поливали грязью, называли Рудольфа отступником, предателем. Мои близкие родственники, живущие в Западном Берлине, до сих пор настойчиво требуют, чтобы я переехала к ним. Они не могут понять, чем стали для меня ГДР, Грейфсвальд...

Хозяйка дома говорит сумбурно, перескакивая с одной темы на другую. Но в сбивчивом ее монологе есть, однако, тема номер один. Она вспоминает, как Петерсхагена схватили американские разведчики из Си-Ай-Си и упрятали на несколько лет в одну из тюрем Западной Германии. То были годы сурового испытания стойкости, убежденности, верности супругов Петерсхаген делу строительства социалистической Германии. В Си-Ай-Си сфабриковали фальшивую записку, якобы написанную Рудольфом: больной — у него в тюремной камере открылись военные раны,— он просит жену приехать в Западный Берлин, чтобы помочь ему. Она поверила. Поехала. А тут уж молодчики из Си-Ай-Си ничем не брезговали — угрозы, уговоры, обещания райской жизни. Все пущено в ход; им важно заставить фрау Ангелику остаться на Западе. Может, тогда и он

перестанет упрямиться, этот странный немец Петерсхаген. К гнусной акции подключили богатых родственников Ангелики — мать, тетю, сестру, живших в Западном Берлине. «Опомнись, куда ты идешь, Ангелика! Не уезжай, оставайся здесь!» Она не осталась. Она уехала, уехала к друзьям мужа в Восточном Берлине, уехала, терзаемая страшной мыслью: «А что, если они сумеют убедить Рудольфа в том, что я согласилась переселиться на Запад? Что, если он дрогнет?» И вдруг с большим опозданием от него приходит письмо. Из тюрьмы. В письме почти все перечеркнуто цензурой. Оставлено лишь несколько малозначащих слов. И среди них такие: «Не забудь уплатить страховку от пожара». Она поняла глубокий смысл этого «напоминания» — уезжай в Грейфсвальд! Значит, он не поверил им, не сдался. И она без колебаний вернулась в родной город.

...Фрау Ангелика умолкла, задумалась, потом вдруг достала записную книжку и стала перелистывать ее...

— Здесь адреса моих друзей в СССР. Есть среди них особо близкие. Супруги Синеокие, геноссе Павел и фрау Марина. Я познакомилась с ними в те дни, весной сорок пятого. И при обстоятельствах весьма сложных и трудных...

Я не стал тогда уточнять степень сложности и трудности тех обстоятельств. Но уже позже, в Москве, оказавшись в гостях у генерала Синеокого, узнал подробности.

Среди разных сувениров, привезенных Дитером Кроном в дар имениннику, был один не совсем обычный — несколько листков из рукописи мемуаров Ангелики Петерсхаген. Это о супругах Синеоких, о переводчице, «очаровательной фрау Марине», и о военном коменданте с «по-отечески добрыми глазами» (я цитирую автора мемуаров).

...Первого мая 1945 года на квартиру фрау Петерсхаген пришел полковник Синеокий с переводчицей Мариной Владимировной — она с сорок третьего была в действующей армии. Фрау Ангелика смотрела на них растерянно, испуганно, но не без некоторого любопытства. Это было даже не любопытство, а скорее удивление. «Немецкая пропаганда,— скажет она много лет спустя,— рисовала нам армейских женщин России в образе каких-то страшилищ, ничего общего не имеющих с женской миловидностью. И вдруг — фрау Марина, молодая, красивая, мило улыбающаяся русская женщина в офицерской форме». Что касается полковника, то на него Ангелика смотрела с нескрываемым страхом: «Что сейчас будет со мной, что он потребует?» Полковник потребовал... лист бумаги. Она недоумевала: лист бумаги, зачем? И стала нервно шарить в письменном столе. Подала один маленький листок, другой. Полковника они не устраивали. И «фрау Марина», угадав невысказанную мысль хозяйки дома, поспешила успокоить ее: «Вы не волнуйтесь, полковнику нужен большой лист бумаги, чтобы документ выглядел солидно». Теряясь в догадках — «вероятно, будут описывать имущество»,— Ангелика наконец нашла такой лист бумаги, который устроил полковника. И Павел Миронович тут же написал своеобразную охранную грамоту: «Податель сего фрау Ангелика Петерсхаген, жена Рудольфа Петерсхагена, который сдал советским войскам город без боя... Прошу органы власти всячески содействовать ей, не притеснять, сохранить за ней квартиру...»

В своих мемуарах она вспомнит, как по выражению лица коменданта пыталась догадаться, что он там пишет, русский полковник, что ждет ее. И еще вспомнит: «Я посмотрела в отечески добрые глаза полковника и сама для себя решила, что этот человек ничего плохого не сделает мне». И еще вспомнит: «Фрау Марина перевела текст документа и сказала: «Берегите эту справку. Она поможет вам. Желаю всего доброго». То была первая брешь в глухой стене, воздвигнутой гитлеровской пропагандой: «Вот тебе, Ангелика, и дикая орда русских».

...Пройдут годы, супруги Петерсхаген приедут в Москву и окажутся в кафе, в обществе москвичей, среди которых не все им знакомы — знакомиться будут тут, за столом. Фрау Ангелика достанет из сумки ту самую справку и скажет: «О, как хотелось бы разыскать человека, чья подпись стоит здесь. И милую переводчицу, которая была с ним тогда, милую фрау, которая пожелала мне всего доброго. Этот документ стал для меня чудесным талисманом. И очень приятно было бы поблагодарить их». Тогда из-за стола встанет широкоплечий человек в штатском, но с явно военной выправкой и, сдерживая улыбку, обратится к Ангелике: «Я могу доставить вам это удовольствие, фрау Петерсхаген. Документ подписал я, а «милая переводчица» — моя жена, вы ее скоро увидите...»

С тех пор супруги Синеокие и числятся в списке близких советских друзей фрау Петерсхаген. Сейчас она просит меня записать их московский адрес, чтобы передать им, если представится случай, сердечный привет, хотя она совсем недавно видела их: всего лишь несколько дней назад они приезжали сюда, в Грейфсвальд, на большие торжества.

Подробно об этих торжествах мне рассказывал на следующий день городской советник Вальтер Деттман, веселый, остроумный собеседник, верный рыцарь своего города, потомственный его житель и неутомимый летописец.

— Все это было очень торжественно, душевно. И, я бы позволил заметить, символично. В один и тот же день почетными гражданами Грейфсвальда были избраны его первый советский военный комендант генерал Павел Синеокий и старый немецкий коммунист, мужественный антифашист Вернер Вестфаль. Он десять лет возглавлял совет Грейфсвальдского района.

Настроенный на восторженный и несколько патетический лад, Вальтер Деттман говорил в превосходных степенях:

— Сколько было цветов, рукопожатий, при-

Дитер Крон, Марина Владимировна и Павел Миронович Синеокие.
Фото А. Бочинина.

В детском саду имени П. Синеокого. Павел Миронович с одним из своих подопечных.

ветствий, тостов! Ведь теперь Грейфсвальд — это не только университетский город. Раньше в Германии говорили так: «Что такое Грейфсвальд? Старинный университет и несколько домов вокруг него». Теперь говорят так: «Что такое Грейфсвальд? Это тот самый, единственный в ГДР город, который уцелел от военных пожарищ... Это тот самый город, в котором вырос новый квартал многоэтажных домов строителей атомной станции «Норд»... Это тот самый город, в котором первоклассный радиоэлектронный завод...»

И Вальтер Деттман живописует нам сегодняшний день 700-летнего Грейфсвальда, с его узкими улицами, продуваемыми ветрами веков, с его старинными, островерхими, тесно прижавшимися друг к другу домами и новыми заводами, фабриками, школами. И снова он возвращает нас на один из мощнейших в республике радиоэлектронный завод («Два года назад там открылся чудесный детский сад. Ему присвоено имя генерала Синеокого»); и на атомную станцию «Норд» («Самая крупная в Европе... Ваша страна поставит турбинное оборудование, реакторы... Монтировать, налаживать их будут помогать советские специалисты»). И мысленно мы переносимся в сосновый лес, на берег речки, в устье Пене, где во время войны нацисты создали концлагерь, воздвигли заводы, на которых Вернер фон Браун разрабатывал свои смертоносные «фау», переносимся в живописные места, ставшие ныне ареной сотрудничества немецких и советских строителей мирной атомной станции.

В новом квартале, рядом с домами, где живут строители «Норд», дома грейфсвальдских текстильщиц. Мы побывали здесь в гостях у директора швейной фабрики товарища Мебус. Молоденькая, хрупкая женщина начинала свою карьеру с рядовой работницы. Теперь она слывет толковым директором, который уверенно руководит большим трудовым коллективом.

Мебус рассказывала про замечательные швейные машины, полученные из СССР, и демонстрировала модели элегантных мужских пальто и курток, которые Грейфсвальд намерен поставлять Советскому Союзу. «Мы показывали эти модели в Москве. Они там понравились. И на Лейпцигской ярмарке тоже... Вы знаете, что такое «Q»? Да, да, квалитет, знак высокого качества... Значит, вы знаете, почему покупателям нравятся наши изделия и почему они никогда не залеживаются в магазинах. Им присвоено это самое «Q».

Уже прощаясь с нами, Вальтер Деттман сообщил, что бургомистр Грейфсвальда полетит в Москву с приятной миссией — поздравить Павла Синеокого с днем рождения. Как и Ангелика Петерсхаген, он тоже счел нужным передать мне его московский адрес.

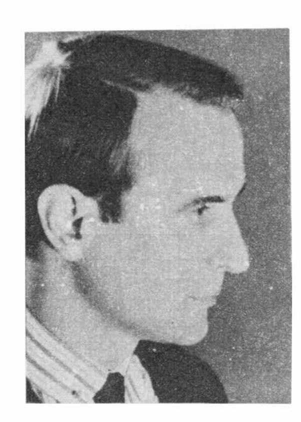
...Мы сидим в уютной квартире генерала и пьем за здоровье именинника, за здоровье дорогого гостя из ГДР, за город, ставший символом дружбы наших народов. Марина Владимировна, гостеприимная хозяйка дома, потчует нас всякими яствами и помогает мне одолевать языковой барьер,— переводит взволнованные слова Дитера Крона. Бургомистр говорит о тех, кто уберег Грейфсвальд от военных пожарищ, и при этом он хотел бы подчеркнуть, что решающую роль в спасении города сыграли Советская Армия, доброе сердце советского солдата, добрая воля советского командования. И мы снова окунаемся в события давних времен.

— Между прочим, заметьте,— вспоминает генерал,— мало кто знает, что Советская Армия дважды спасала Грейфсвальд. Наша разведка донесла, что гитлеровцы хотели уничтожить с воздуха город, посмевший встретить русских белыми флагами,— месть в бессильной злобе! И тогда наша авиация получила приказ разбомбить аэродромы, где базировались фашистские самолеты, нацеленные на «мятежников». Приказ был выполнен отличнейшим образом.

А потом генерал живо рассказывает о первых днях работы военного коменданта, о том, как удалось уже через шесть дней вернуть город в русло спокойной, мирной жизни, о солдатских кухнях на узеньких улицах и маленьких площадях и о том, как ребятишки за обе щеки уплетали горячую солдатскую гречневую кашу.

— О, знаменитая каша Синеокого! — Это уже голос Дитера Крона.— Мое первое знакомство с Павлом состоялось «на базе гречневой каши». Мне было тогда 12 лет, когда полковник угостил меня добавочной порцией и сказал: «Ешь, паренек, ешь... Говорят, тот, кто ест много каши, быстро растет». Как видите, он не ошибся, бог не обидел меня ростом...

Дитер Крон весело смеется и предлагает тост за здоровье именинника, почетного гражданина города Грейфсвальда.

Иван САВЕЛЬЕВ

ВЫСОКИЙ ДЕНЬ

* * *

Все полно значения:
Солнечный восход,
Весен повторение,
Февралей уход.
Все, чтоб новосельем
До скончанья лет
Бушевал весенний
Над землею свет.
Ненасытно дышится
Рощам и полям —
Это время движется
Соком по стволам.
Это гулкой ранью
Празднично возник
Птиц сквозной, гортанный,
Перелетный крик.
Так труби, зеленая,
Раз уж ты права,
К небу устремленная
Первая листва!
Будь!
Ведь мир спасенный
Верит неспроста
В красный и зеленый —
Главные цвета!

Я В ЦЕХ ВОЙДУ

Я в цех войду, как в первый класс,
С его высоким ритмом дружен,
Товарищ мой, рабочий класс,
Учи меня пахать поглубже.

Я подружусь наверняка
С размахом дней твоих прекрасных.
Одна у плуга и станка
Твоя железная закваска.

Я у огня смогу стоять,
Пришедший к делу непростому,—
Здесь отсвет стали
Так под стать
Отливу солнца золотому.

Пусть я твоим подручным стал,
Неопытным,
Но ты не сетуй,
Ведь в небо поднятый металл
Соизмерим с металлом сердца!

И потому — не лжет строка —
Соизмерима группой крови
Моя крестьянская рука
С твоей рабочею рукою.

СЕРДЦЕ КОММУНИСТА

Его, как хочешь, понимай,
Но у него свои законы.
Ему давай не просто май,
А мая красные знамена.

Пока есть память у земли,
Оно не будет позабыто,
Ведь сквозь него, сойдясь,
прошли
Невиданные прежде битвы.

А пулею его пробьют,—
То и тогда, не сдав отваги,
Падет на землю красным флагом,
Который дальше понесут.

* * *

Выкатывает солнышко рассвет,
Скользят лучи раскосые по травам,
И поработать хочется на славу,
Когда весь мир в зеленое одет.

И все живое напрягает слух
И человечьего желает слова.
Я не поэт, сегодня я пастух,
Веди меня в луга, язык коровий.
Трава в росе. До полдня далеко,
И потому коровы не устали
Жевать траву, рогами в день уставясь
И слыша, как подходит молоко.
И я иду, и тянется тропа,
Как плеть пастушья, тянется лугами.
И пахнет молоком горячий пар
Коровьего глубокого дыханья.
И мир такой открытый и сквозной,
Что думаешь: а где конец раздолья?
И пьют росу буренушки с травой
И солнце выпивают молодое.
А солнце ровно катится в зенит.
Я жду мгновенья, что стихов достойно,
Когда оно, парное, зазвенит,
Тугою струйкой падая в подойник.

* * *

Русь моя,
Родина милая,
Сколько твоих сыновей
Всей соловьиною силой
Пело о жизни твоей!
Русь моя,
Жесткою правдою
Не омрачится твой лик,—
Сколько певцов твоих падало
Сердцем на вражеский штык!
Старше я стал их, ровесников,
Вот почему все сильней
Их растревожен я песнями,
Младший среди сыновей.
Словом ненайденным мучаюсь,
Ты приказала: пиши!
Так и пишу не по случаю,
А по веленью души.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АМЕРИКИ

«ПОСЕТИТЕ МАРКА ТВЕНА»

Генрих БОРОВИК

Вдали показалась точка. Она стала приближаться и расти. Через минуту можно было уже разглядеть, что точка эта вовсе не знак препинания, а довольно большой рекламный щит у дороги и с него смотрит на проносящиеся мимо машины седоусый человек с белой шевелюрой. Поскольку справа от дороги в десятке миль текла Миссисипи, а слева расстилались кукурузные поля и дорога номер 61 вела именно к городу Ганнибалу, тому самому, где провел свои детские годы Марк Твен, можно было не сомневаться — еще до того, как щит приблизился,— что на нем изображен портрет великого писателя. Это был, так сказать, марктвеновский форпост города Ганнибала. Довольно дальний форпост — миль, наверное, за двадцать до города. Мчась навстречу плакату, лицо на котором с каждой тысячью ярдов увеличивало сходство с мистером Самюэлем Клеменсом, ваш корреспондент размышлял о том, что десяток книг этого замечательного американца объединяет людей на земле более успешно, чем, скажем, вся Организация Объединенных Наций со всеми ее институтами. (Не в обиду, конечно, ООН, и как прекрасно, что существуют на земле книги, которые служат опорой человеческому духу.) Еще ваш корреспондент думал насчет того, какие молодцы ганнибальцы, что среди своих городских забот не забыли об усталом путнике, который, мрачно уставившись на дорогу, мчится по ней со скоростью 80 миль в час и который, конечно, взглянув на портрет великого человека, узнает, что он жил в городе Ганнибале, а узнав, зайдет в Ганнибале в музей Марка Твена, загодя рекламируемый на дороге, и, приехав домой, снимет с самой высокой полки запыленный томик, сядет перечитывать и, перечитав, подумает о том, что человечество в общем-то не такой уж плохой коллектив, если может время от времени давать миру таких людей, как Марк Твен.

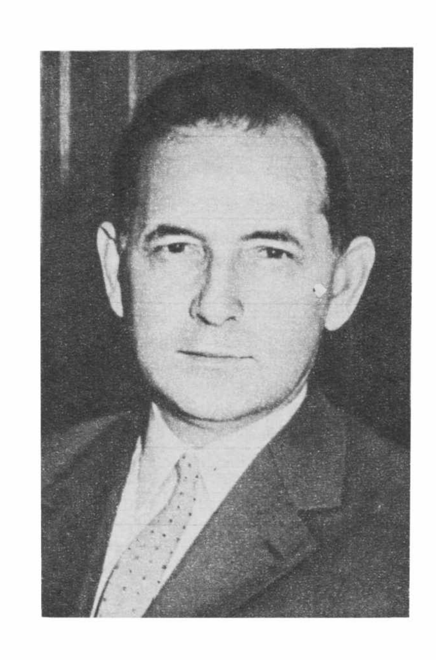
На этом месте мысли вашего корреспондента о роли литературы в воспитании человечества были прерваны словами, метко брошенными в него с промелькнувшего плаката: «В Ганнибале останавливайтесь в отеле «Марк Твен», обещаем путникам подогретую воду в бассейне, цветное телевидение, бесплатное кофе в номере».

Как щелчок. Снова вернуться к размышлениям по поводу роли литературы в сближении народов как-то не удалось. Впрочем, согласитесь, ничего плохого не было в том, что лучший отель в Ганнибале носил имя великого писателя и предлагал свои удобства. Правда, было бы симпатичнее, если бы первый плакат сообщил вам, что вы приближаетесь к городу, где провел свои детские годы и т. д. и т. п. Но в конце концов у каждого монастыря свой устав. А отель, кстати говоря, в жизни человечества не последнее дело, и прежде чем идти в музей писателя, не худо найти место для ночлега. Приблизительно так рассуждал ваш корреспондент, сердясь на себя за первую необдуманную реакцию на плакат. Но тут мимо него промчался второй рекламный щит. Там отсутствовал портрет Твена, но зато буквы были выведены очень рельефно: «Лучшие жареные цыплята в закусочной «Марк Твен». Затем промелькнули подряд три плаката: «Покупайте принадлежности для кемпинга в спортивном магазине «Марк Твен», «Обедайте в кафе «Тетушка Полли», «Индейские безделушки в магазине «Индеец Джо». Потом пошли мороженое «Бекки Тэчер», кемпинг «Марк Твен», пещера «Том Сойер», кафе «Бекки Тэчер», бар «Гек Финн» далее какие-то башмаки «Том Сойер». Рекламные плакаты били по сознанию точно, аккуратно и через равные промежутки времени, как сапожник, который вбивает деревянные гвозди в подошву. Почти на каждом плакате был нарисован с разной степенью сходства великий старик. Он продавал, покупал, перепродавал и перекупал, он одевал, обувал, кормил, развлекал, услаждал и опьянял (бар «Гек Финн»). Напористая деятельность писателя по части коммерции как-то не вязалась с той репутацией простака в денежных делах, которую приобрел Твен при жизни из-за того, видимо, что всю ее провел в долгах. Здесь, на подступах к городу Ганнибалу, он выглядел иначе. Он подкарауливал вас через каждую тысячу ярдов. Он, честно говоря, просто брал вас за горло, требуя расстаться с кошельком. И вместе с ним того же требовали его литературные герои. Том Сойер, Гек Финн, Бекки Тэчер, индеец Джо и даже скромная и добропорядочная тетушка Полли.

Родимый город, несомненно, помнил о своем великом земляке, но память эта была несколько односторонняя. Из всех очевидных свидетельств приобщения Ганнибала к духовным ценностям, созданным великим писателем, самыми скромными и неказистыми были те, что

ВЕРНОСТЬ ТЕМЕ, ВЕРНОСТЬ ГЕРОЮ

К 60-ЛЕТИЮ ВСЕВОЛОДА КОЧЕТОВА

«В наше время для художника открылись неслыханные возможности вúдения нового в человеке, его красоты. Это новое, эта красота завоеваны в тяжкой борьбе, они нуждаются в том, чтобы борьба за них не ослабевала и впредь, они требуют поддержки, требуют внимания и забот» — так писал Всеволод Кочетов в статье «Кому отдано сердце». Его художественное творчество, критическая и публицистическая работа посвящены этой нелегкой борьбе за новое в человеке.

В литературу Всеволод Кочетов пришел в сороковые годы, уже пройдя хорошую школу жизни. Юношей он пошел работать в ленинградский порт, затем на судостроительный завод. После окончания сельскохозяйственного техникума работал агрономом, а накануне войны стал журналистом.

С первых дней Великой Отечественной войны Всеволод Кочетов находится в рядах защитников Ленинграда, сотрудничает в газете «На страже Родины», пишет корреспонденции, очерки, рассказы о героизме и мужестве наших людей. О виденном и пережитом в эти годы начинающий писатель рассказал в повестях «На невских равнинах» и «Предместье», опубликованных в первые послевоенные годы. Затем появляются его повести «Кому светит солнце» («Профессор Майбородов») и «Нево-озеро». Эти первые произведения В. Кочетова вобрали в себя материал военных и первых послевоенных лет, героями их выступают люди труда, пережившие трудности войны.

С первых шагов в работе молодого литератора проявился стойкий интерес к вопросам современности, его тянуло, как признавался сам писатель, «к шахтерам Донбасса, к металлургам Урала, к машиностроителям и мастерам корабельного дела Ленинграда, в колхозы и совхозы, в научно-исследо-

рекламировали на подступах к городу музей Марка Твена. Качество и размеры рекламных плакатов в музее не шли ни в какие сравнения с грандиозными рекламными щитами отеля «Марк Твен». Тетушка Полли в восхвалении своих кулинарных изделий тоже далеко перещеголяла своего создателя. В общем, что говорить, даже дрянной магазин антикварных вещей, где продавались фальшивые колеса якобы пионерских фургонов, на витрине была выставлена пара разноцветных, сильно поношенных искусственных человеческих глаз, и то рекламировал себя солидней. А уж о пиве «шлитц» («Пейте его в баре напротив пещеры Тома Сойера!») и говорить не приходится. Возможно, финансовые дела музея были ненамного лучше, чем у знаменитого мальчика по имени Том Сойер в тот период его жизни, когда он красил забор.

Так, во всяком случае, мог решить путник, подъезжая к городу Ганнибалу.

Впрочем, музей Марка Твена оказался отличным. Он состоял из двух домиков (в одном жила когда-то семья Клеменсов), восстановленных в том виде, в каком они существовали более сотни лет назад, и мощенного камнем отрезка улицы между ними, закрытого для автомобилей и открытого для туристов. И хотя здесь почти не было вещей, принадлежащих семье Клеменсов, тем не менее атмосфера сороковых годов прошлого столетия была восстановлена с любовным тщанием и знанием дела.

Надо сказать, что вашему корреспонденту чертовски повезло. Именно в тот день и тот час, когда дорога номер 61 привела его в город Ганнибал, в музее Марка Твена проводилась веселая ежегодная церемония «Покраска забора». На маленькой улочке специально для этой цели был построен забор, такой же, какой красили когда-то Том Сойер и его приятели. Возле забора стояли на тротуаре ведерки с краской и лежали кисти. Тротуар и мостовая были покрыты прозрачным пластиком, чтобы не испачкать. По пластиковой мостовой расхаживали десятка полтора живых Томов Сойеров. Почти все они были в разноцветно залатанных холщовых штанах, из карманов которых боевито выглядывали рогатки, в драных соломенных шляпах, в старых, застиранных рубашках, босиком. На спине каждого висел плакатик, сообщающий, какой штат представляет на этом соревновании данный Том. Были здесь Томы из Луизианы и Миссисипи, из Миссури и Иллинойса, из Огайо и Алабамы. Почти все они были рыжеватыми и все без исключения веснушчатыми. Никогда в жизни ваш корреспондент не видел такой концентрации веснушек на такой сравнительно малой площади.

Возле забора был сооружен деревянный помост. Там на скамейке сидело полтора десятка Бекки Тэчер. Все Бекки были в длинных платьицах и в шляпах с ленточками. Девочки не представляли штатов, их набирали из местных.

Вскоре на помост забрался человек в современном костюме и с животом, который, как снежная глыба, нависал над брюками, грозя обвалом. Он стал объяснять собравшимся вокруг туристам, также Томовым папам и мамам, что соревнования проводятся по инициативе коммерческой палаты города Ганнибала, что идея соревнования возникла десять лет назад и с тех пор они регулярно проводятся здесь для привлечения туристов. Он сообщил также, что краску для этого дела жертвует компания такая-то (что означало призыв в случае нужды покупать краску именно у этой компании), кисти — другая компания, пластик для покрытия тротуара и мостовой — производство фирмы такой-то, а рогатки — между прочим, с запасом свинцовых пулек — можно приобрести в магазине игрушек совсем недалеко от музея.

Закончив свои рекламные обязанности, человек с обвалоопасным животом объявил соревнования открытыми. Оркестр заиграл цирковой галоп. Бекки Тэчер завизжали пронзительно, а полтора десятка бледных и красных от волнения мальчишек бросились к забору, к своим ведеркам. Каждый — к своему, отведенному только ему участку. Забор красили быстро и тщательно, стараясь закончить как можно скорее. Взрослые папы и мамы, а также сотни зевак не оставались равнодушными. Они кричали: «Эй, подтяни штаны! Эй, надень шляпу!» Папам и мамам было точно известно, что при подсчете очков 50 процентов отводится костюму, а качеству покраски и скорости — только по 25 процентов. Об этом, конечно, знали ребята. Но, к их чести, все они оказались настоящими спортсменами — забор красили хорошо и быстро. Том луизианский каким-то образом спутал свой участок и принялся красить участок иллинойского Тома. Иллинoец вначале растерялся, потом подавился от смеха, но затем все-таки сказал луизианцу об ошибке. Тот покраснел, засопел, но от соревнования не отказался — принялся красить свой кусок с самого начала.

Оркестр играл галоп. Девочки визжали. Папы, мамы и туристы кричали, церемониймейстер бегал по помосту и тоже выкрикивал какие-то указания. Передвигался он так легко и плавно, что его огромный живот больше не напоминал об угрозе обвала, а наоборот, казалось, если его еще немного надуть, он плавно поднимет церемониймейстера в воздух и ветер унесет его куда-нибудь в низовья Миссисипи. Или, может быть, в верховья.

Наконец, забор был выкрашен. Настало время объявить победителя и вручить ему награду. Стало тихо. Вашему корреспонденту очень понравились соревнования, и теперь его очень интересовало, чем наградят победителя. Книгами Марка Твена? Правом провести по реке маленький плот? Магнитофонной лентой с записью голоса Марка Твена?

Толстяк объявил, что победитель — Том из Огайо. Тот поднялся на помост. Толстяк поднял ему руку, как на ринге, и затем вложил в его руку конверт.

— 15 долларов! — закричал толстяк, и все зааплодировали.— Ты можешь купить себе на них, что хочешь. Или положить в банк, ха-ха, под проценты.

Все снова зааплодировали, а Бекки Тэчер завизжали в восторге. Том из Огайо сунул конверт в карман и сошел с помоста.

Честно говоря, вашему корреспонденту стало почему-то скучно, хотя все вокруг восприняли 15 долларов как должное. В конце концов мальчик сможет, если захочет, купить на них и книги Марка Твена и пленку с записью его голоса.

Я уезжал из Ганнибала в тот же день. По дороге снова мелькал орлиный профиль седовласого старика, предлагая то отель, то закусочную, то кемпинг своего имени. Ешьте у Марка Твена! Пейте у Марка Твена! Спите у Марка Твена!

Милях в сорока от Ганнибала, уже на другой дороге, ведущей на запад, вдруг повстречался небольшой щит, который предлагал посетить могилу Марка Твена (доллар за осмотр). Стрелка указывала на север, и сообщалось, что до могилы рукой подать, всего шесть миль. Со щита смотрел, прищурившись, все тот же великий старик, возможно, размышляя о превратностях судьбы, которая заставила его умереть в долгах, а теперь помогать коммерсантам зашибать деньгу на его имени.

Но я так и не увидел могилу Марка Твена в штате Миссури. По двум причинам. Во-первых, я не имел права нарушать утвержденный властями маршрут и сворачивать к северу. Во-вторых, могила Марка Твена находилась от того места не к северу, а к востоку, и не в шести, а в тысяче миль, ибо, как всем известно, Марк Твен похоронен не в штате Миссури, а в штате Нью-Йорк. В подобных случаях великий старик говаривал, что слухи о его смерти сильно преувеличены.

АПН — специально для «Огонька»

Нью-Йорк.

вательские институты — словом, к людям, к людям».

От года к году, от книги к книге росло мастерство прозаика, обострялось писательское видение мира, формировался и зрел талант художника, все более проявлялась его склонность к эпическим формам.

Вслед за первым романом, «Товарищ агроном», рисующим послевоенную жизнь села, среди героев которого особенно помнится колоритная фигура коммуниста агронома Петра Лаврентьева, появился роман «Журбины», принесший В. Кочетову широкую известность.

В этом значительном произведении советской художественной прозы 1950-х годов созданы впечатляющие образы рабочих, нарисована яркая картина труда и быта большого заводского коллектива. В жизнеописании династии рабочих-судостроителей Журбиных, представителей трех поколений рабочих, нашли художественное отражение рост и развитие личности советского труженика, его место и роль в общественных условиях победившего социализма. Эти герои, наделенные широкой, открытой душой, увлеченные творчеством и новаторскими исканиями, несут в себе огромный заряд гуманизма, идею перестройки мира на самых человечных основах. Правдивое, достоверное изображение повседневной жизни во множестве ее проявлений, литературная убедительность повествования — вот что обусловило успех романа «Журбины», после которого тема рабочего класса стала ведущей в творчестве Всеволода Кочетова.

И в последующем романе «Молодость с нами» — о людях науки металлургах, рядом с героями учеными стоят рабочие, люди, наделенные характерами удивительной цельности и красоты.

Внимание читателей и критиков вызывали к себе и романы Всеволода Кочетова «Братья Ершовы», «Секретарь обкома», посвященные нравственным и социальным проблемам, вопросам духовной жизни современника. И в них прозаик оставался верным своему герою — рабочему, творцу прекрасного в жизни. И в них ему удалось создать интересные образы коммунистов, показать могучую руководящую силу партии в деле борьбы за новое, коммунистическое.

Иногда В. Кочетова упрекали в поспешности, торопливости. Может быть, эти упреки в чем-то и справедливы. Но эта торопливость в какой-то степени объяснима. Писатель, наверное, не хотел и не мог отставать от событий быстротекущего времени, он стремился дать быстрый его рисунок, ответить на вопросы, которые волновали людей. Поэтому-то романам Всеволода Кочетова свойственна и актуальность и злободневность.

Сравнительно недавно писатель опубликовал историко-революционный роман-хронику «Угол падения», на страницах которого развертываются драматические картины суровой и тревожной жизни осажденного Петрограда на протяжении грозного 1919 года. Но и здесь, в изображении этих далеких по времени событий, он остается столь же современным и злободневным, и здесь немало страниц отведено рассказу об излюбленном образе писателя — рабочем человеке.

Так большая тема — рабочая,— начатая несколько десятков лет назад, остается ведущей или сопутствующей во всех романах Всеволода Кочетова. Она, эта благороднейшая тема, и позволила писателю создать наиболее значительные свои произведения.

Ю. ПУХОВ

ДАЛЕКИЕ ОСТРОВА

Вл. КНИППЕР
Фото Г. КОПОСОВА,
специального
корреспондента
«Огонька»

Мыс Челюскина. 78-я параллель — самая северная точка Азии.

Тишина. Только чуть поскрипывают льдины. Северный Ледовитый спрессовал их тут, и они ощетинились торосами.

На самой северной точке материка у меня назначено свидание с инженером-гидрографом Владиленом Троицким. Со своим коллегой Константином Гордеевым и экипажем вертолета «МИ-4» во главе с полярным асом Ильей Неумержицким он, как говорят гидрографы, «вводит огни маяков» на побережье Таймырского полуострова и соседних островах.

У гидрографа Троицкого есть тут еще одна чрезвычай-

но романтичная и захватывающая задача — раскрыть одну из тайн истории Арктики. Но об этом позже...

Каждый вечер все сильнее надвигались густо-синие сумерки полярной ночи, и гидрографы торопились. Вернувшись после полета, они быстро ужинали и буквально валились от усталости на койки в крохотной гостинице. Поздоровавшись со мной, Троицкий представил своих товарищей и только сказал:

— Доставай теплую одежду, завтра рано утром летим. А сейчас отдыхать, отдыхать...

Взлет. Курс на запад Таймыра, часа через два выворачиваем на север и «шлепаем» в архипелаг Норденшельда. Идем на посадку — внизу остров Правды. Здесь мы должны забрать металлические баллоны с ацетиленовым газом, горючее.

Нас встречают островитяне — экипаж полярной станции Гидрометслужбы. Ее начальник — женщина. Невысокого роста. Хрупкая. Молодая. Зина Лукинская.

— Зимой у нас обычно тут человек десять,— рассказывает Зина. — В основном мужчины.

— И слушаются вас!

— Еще бы! Один раз провинился мой супруг, так я сверхоперативно вывесила приказ с объявлением выговора.

— А как работа!

— Обычное дело. Работаем, точно в сроки даем погоду Большой земле...

На острове Гейберга.

Остров Правды находится в суровом Карском море.

В Арктике все чаще устанавливают дрейфующие автоматические радиометеорологические станции-автоматы, регулярно четыре раза в сутки сообщающие данные о погоде. Но, бывает, дрейфуя, они гибнут, а люди на клочках суши, затерявшихся в бескрайних просторах океана, какие бы стихии ни бушевали, точно по расписанию садятся за телеграфный ключ своей рации.

Ученые и специалисты ордена Ленина Арктического и Антарктического научно-исследовательского института ведут океанологические и океанографические наблюдения и исследования на дрейфующих льдах Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского морей. Коллективы полярных станций, радиометеорологических центров на побережье Северного Ледовитого добывают сведения, необходимые при разработке гидрометеорологических и ледовых прогнозов. Высокоширотная экспедиция «Север-23» произвела смену сотрудников на четырех дрейфующих научных станциях «Северный полюс». Летчики доставили на «ледовые корабли» научное оборудование, продовольствие, горючее.

Легко ли это? Всего одна деталь: в момент разгара экспедиции «Север-23» «СП-16» находилась в 2 320 километрах от побережья.

...Наш «МИ-4» после острова Правды опускается на остров Скалистый, что на стыке проливов Свердрупа и Паландера. Пока находились в воздухе, заметили внизу мощный дизель-электроход. Судно, покойно раздвигая льды, держало курс к островам Известий ЦИК, где работает полярная станция Гидрометслужбы. Значит, скоро начнется праздник — выгрузка продовольствия, оборудования, кинофильмов, свежих овощей, посылок от родных и близких... На многие «полярки» суда заглядывают раз в году, а потом жди визита с воздуха...

Едва опустились на Скалистый, Троицкий и Гордеев бойко вскидывают на плечи баллон с ацетиленовым газом и несут его к высокой деревянной вышке. На ней — большой стеклянный фонарь автоматического светового маяка. Гидрографы отключают старый баллон, устанавливают новый, чистят закопченный фонарь, проверяют светильник, дающий через равные промежутки небольшие, но сильные вспышки.

Прозаическая работа? Может быть. Но мне казалось, что на каждом островке, где нам пришлось побывать, два гидрографа оставляли частичку тепла своих сердец. Только тот, кто в ненастной мгле полярной ночи будет искать путь, оценит в полной мере горящие по их воле огни.

Летим обратно. И вот теперь, когда основная работа гидрографа Троицкого сделана — в полярной ночи зажжены огни маяков,— настало время рассказать о волнующей, романтической тайне Арктики, которую он мечтает открыть. Не по долгу службы. По велению сердца.

Садимся на мысе Могильном. Летчики и гидрографы останавливаются около деревянного столба с перекладиной — у могилы лейтенанта А. Жохова, участника экспедиции на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач» в 1913—1915 годах. На могиле медная доска, на ней выбиты стихи лейтенанта, которые он написал тяжелобольным во время зимовки в этих местах:

Под глыбой льда холодного Таймыра,
Где лаем сумрачным испуганный песец
Один лишь говорит о тусклой жизни мира,
Найдет покой измученный певец...

Ну, а теперь все по порядку.

Знаменитый каверинский роман «Два капитана» писался вскоре после того, как в шхерах Минина, западнее полуострова Таймыр, были найдены следы экспедиции замечательного русского ученого и полярного исследователя Владимира Русанова. Конечно, созданный писателем образ капитана Татаринова собирательный. В нем угадываются и черты других полярных исследователей — Георгия Седова и Георгия Брусилова.

Причины гибели экспедиции Русанова до сих пор не установлены. Их мечтает установить действительный член Географического общества СССР Владилен Троицкий. Гидрограф стал исследователем.

В Ленинграде, в музее Арктики и Антарктики, я, помню, долго стоял перед большой витриной, за стеклом которой желтел невысокий столб с резной надписью: «Геркулес, 1913 г.». В 1934-м этот столб, пустой металлический бидон и другие предметы экспедиции Русанова удалось обнаружить на небольшом островке севернее шхер Минина.

Островок так и был назван — «Геркулес».

На следующий год в северном районе шхер на островке Торосовой, у острова Колосовых, нашли справку на имя матроса «Геркулеса» В. Попова, серебряные часы с его инициалами, мореходную книжку матроса А. Чухчина, фотоаппарат, ружейные патроны, пуговицы, медные деньги...

Этот остров на картах ныне значится: остров Попова — Чухчина.

Первые находки объяснили самое важное: экспедиция Русанова на «Геркулесе» прошла далеко на восток Карского моря. Многие так и считают: в шхерах Минина последняя стоянка русановцев.

В 1957-м группа гидрографов под руководством Троицкого работала в шхерах Минина.

Матрос дизель-электрохода «Куйбышевгэс» Николай Белов.

На островах Известий ЦИК.

На развороте вкладки:

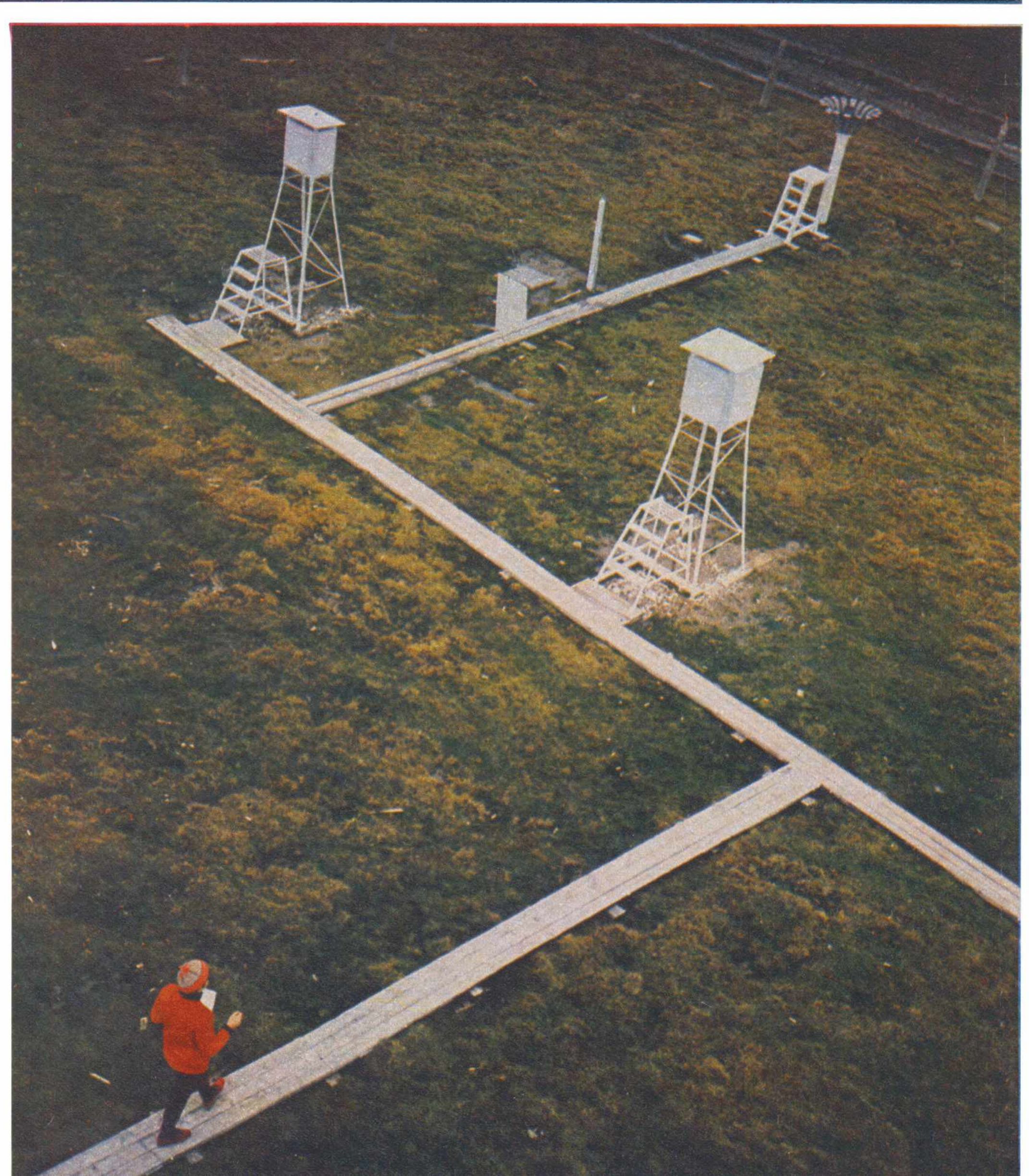
На пути к далеким островам.

КУЙБЫШЕВГ
МУРМАНС

Инженер-гидрограф Владилен Троицкий.

Последовали новые находки: на крохотном клочке суши — гидрографы назвали его в честь капитана «Геркулеса» островом Кучина — они нашли носовую часть шлюпки. Троицкий обратил внимание на гвозди с квадратной шляпкой: они были такие же, какие он позже нашел на острове Попова — Чухчина. Здесь же, на острове Попова — Чухчина, у большого камня гидрографы заметили деревянный кол с зарубкой для крепления палатки, глубоко вбитый в зыбкую тундру. На такую глубину кол можно забить в Арктике только летом, когда мерзлота оттаивает. Следовательно, русановцы посетили остров примерно в середине августа 1913-го, в тот месяц, когда море бывает свободно ото льдов.

Троицкий с друзьями восстановил «шалаш» русановцев, укрепив на нем памятный знак — единственный пока в Арктике памятник экспедиции.

Гипотеза Троицкого сводилась к тому, что в шхерах Минина «Геркулес» лишь зазимовал, а хранящийся в музее столб — всего лишь памятный знак. Помните пустой бидон? Гидрограф считает, что его использовали в качестве почтового ящика. Русановцы, продолжив плавание на восток, захватили с собой судовые документы, дневники, почту.

Где же они? В большом гроте в заливе Ахматова на Северной земле, утверждает Троицкий. Там в 1947 году тоже гидрографы сделали «необъяснимые находки»: человеческие кости, следы костра, ржавые консервные банки... А было известно: никто из участников полярных экспедиций в этом архипелаге там не погибал. Значит, русановцы?

День навигации — год кормит.

Разгружается продовольствие, горючее, научное оборудование.

В кают-компании полярной станции на одном из островов Известий ЦИК.

На таких полярных метеоплощадках собирается информация, необходимая для прогнозов погоды.

Из-за трудных арктических дорог я опоздал на мыс Челюскин всего лишь на два дня: Троицкий по поручению специалистов Министерства морского флота улетел в залив Ахматова. Помню, как томительно тянулись часы ожидания. Но вот в темнеющем небе зажглись две звездочки — красная и зеленая. Вертолет!

Троицкий и Гордеев привезли вести далеко не утешительные: грот обвалился, похоронив под глыбами скальных пород находки далекого 1947 года. Но гидрограф Троицкий, благодаря которому географическое общество нашей страны получило благодарность шведского короля за находку в Арктике письма известного полярного исследователя Норденшельда, решил проверить еще одну гипотезу гибели русановского «Геркулеса». Было известно, что в Таймырской губе полярники не раз видели обломки какого-то морского судна. Полярная летопись сообщала другое: в этом районе никаких катастроф не происходило.

Посадка на мысе Шатер. Троицкий метр за метром осматривает берег. Вот и мыс Фомы. С его западной стороны оказался оползень, словно зацепившийся за что-то у самого берега. Тут гидрограф находит части судового набора, детали второго дна морского судна — кницы. Они были скреплены не только стальными болтами, но и барочными анодированными гвоздями с пробковыми чопиками. Деревянные части хранили два слоя краски — белую и проглядывавшую через нее голубую. Возник вопрос: не накрыл ли оползень корпус судна?

Троицкий увидел еще остатки судна с этой же покраской, часть мачты с медным бугелем на конце, кусок привального бруса с киповой планкой. По размеру шпангоута оказалось не так сложно предположить ширину судна — она равнялась примерно шести метрам.

Это тождественно ширине «Геркулеса». Но сказать точно, что перед нами судно экспедиции Русанова, нельзя. Надо еще раз проверить архивные документы, считает Троицкий, а Таймырскую губу обязательно должны посетить ученые.

А пока он собирает все находки на берегу и устанавливает памятную веху с доской, вырезав на ней слова: «Не трогать! Подлежит анализу государством!»

Летом гидрографы и моряки намерены продолжить поиски в Таймырской губе, а молодежь радиометеорологического центра, что на мысе Челюскин, провести раскопки грота в заливе Ахматова.

ДВОЕ НА ПЕРРОНЕ

Эдуард КОРПАЧЕВ

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

Как солдат, как воевавший человек, Герасим Николаевич помнил и тот бугорок, за которым он укрывался от пуль, и тот смерзшийся снег, который стал для него жаркой, обжигающей постелью, и ту иную, прохладную постель в тыловом госпитале. Но все это было так давно и так долго, с той поры он работал в музее Суворова, так свыкся с музейным домом, с музейными вещами, что своя война словно бы ушла в запас, в кладовые памяти, а всегда перед глазами в этом доме Суворова вставали давние войны и походы.

Календарь нес привычную перемену тепла и холода, по весне ласточки лепили на музейных окнах свои твердые чешуйчатые гнезда, с отлетом ласточек начинала желтеть листва каштанов, люди же по весне вскапывали грядки и сжигали мусор в ритуальных весенних кострах, а в сентябре заготавливали дрова — чередом шла жизнь.

Годы несли перемену и Герасиму Николаевичу, хотя внешне он оставался прежним, лишь изнашивал один черный, обвислый на плечах костюмчик с заткнутым в левый карман пиджака полым рукавом и надевал новый черный костюмчик, раз и навсегда вправляя полый рукав пиджака в карман, но все-таки годы несли перемену: Герасим Николаевич все чаще любил пофилософствовать втихомолку, поразмышлять о людях, о том, какой вечный след оставляют великие люди.

Ласточки из своего лепного, как архитектурное украшение, гнезда то и дело шныряли на волю и так же стремительно возвращались, так что Герасим Николаевич, уже не впервые за нынешний день подходивший к окну и глядевший в даль мощенной булыжником улицы, видел отчетливо белые атласные полосы на оперении птиц. Все представлялось ему, что с минуты на минуту появится на виду, прочеканит шаг по булыжниковой зыби сын Сергей, которого он ждал в отпуск и который обязательно, лишь оставив дома чемодан, поспешит явиться ему на глаза.

И молоденькой Станиславе Чеславовне, директору музея, которая, едва он приникал к стеклу, недоуменно посматривала на него спокойными серыми горделивыми глазами, он хотел рассказать о своем ожидании, о сыне Сергее, курсанте артиллерийского училища, даже взглядывал на нее с готовностью не таить своей радости, но тут же замыкался, потому что обычную прохладную вежливость излучали глаза Станиславы Чеславовны.

Пока редкие посетители не докучали вопросами, можно всласть было думать о семейном торжестве, о встрече с сыном, и уже теперь так славно ему, будто приехал сын и они с сыном уже всюду побывали, на всех людных улицах города, уже столько переговорили — по-мужски сдержанно, значительно, с непоказной, скрываемой обоими теплотой... Нет, хороши, хороши и эти часы ожидания радости, эти часы нетерпения, эта непоседливость, это томление!

Он снова приник к стеклу, улавливая за окном журчащий щебет ласточек, и сердце у него ворохнулось, хотя и не сына, не Сергея, разглядел на булыжниковой зыби, ведущей к музею, а заезжего генерала.

Город знал и вел разговоры о том, что остановился в гостинице генерал, ничей не родственник, никому не знакомый, без никаких особых дел, просто заехал в город, остановился на постой в гостинице, много курит, даже тогда, когда расхаживает по улицам, и вот теперь, как только высокий, поджарый генерал ступил в музейные комнаты, сбросил фуражку, обнажая седину, Герасим Николаевич в растерянности присел на стул и замер, следя мерцающими глазами за военным. Так сразу показалось ему, что это вошел ротный командир Гнедин, Иван Карпович Гнедин!

Из своей засады, тихий, ошеломленный узнаванием фронтовика, Герасим Николаевич кротко посматривал на Гнедина, Ивана Карповича Гнедина, и поражался тому, как преобразился Иван Карпович Гнедин, поражался тому, что такой седой Иван Карпович Гнедин, что именно здесь, в музейной тиши, свела их судьба, а не там, восточнее отсюда, под Колядковичами. Ведь это там, под Колядковичами, по первому плотному, обильно легшему снегу повел Гнедин автоматчиков на приступ, лыжники в белых маскхалатах стремительно обошли местечко с тыла и ворвались в местечко неожиданно для фашистов — белые привидения, белые мстители. Ах, судьба: он, Герасим Николаевич, упал на окраине Колядковичей и долго лежал, окрашивая снег в красное и отогреваясь на том жарком, красном снегу, а комиссар Гнедин повел автоматчиков в глубь местечка — и с той поры Колядковичи стали местом их разлуки.

Гнедин прохаживался по залам музея, появлялся на виду, исчезал, слышны были его шаги и медовый голос Станиславы Чеславовны, обращавшейся к Гнедину.

Когда Гнедин с фуражкой в руке направился уже к дверям, легкое, худощавое тело Герасима Николаевича вдруг взметнула та знакомая по фронтовым дням сила, которая заставляла бросаться в атаку.

Вот и стали они, командир и солдат, иными, более слабыми, чувствительными, и Герасим Николаевич с укором себе отметил это сейчас, когда они так неуклюже обнимались, приникали лицом к плечу другого, что-то восклицали с удивлением, с неловкостью, а то вдруг с бодростью.

Потом они оказались рядом на плюшевом диванчике, и потек их сбивчивый разговор, и повлекло обоих в давние времена, в бои, в наступления.

Может быть, они бесконечно долго не возвращались бы из прошлого, из боев, если бы не заполнили музей и не сгрудились вокруг них пионеры, с ликованием каким-то глядевшие на генеральские погоны и лампасы. К тому же Гнедин и без того нервничал, жесткое лицо его то и дело подрагивало, на коленях лежала пачечка сигарет, которую Гнедин то прятал, то вновь извлекал,— и Герасим Николаевич обнаружил, как убийственны для Гнедина эти возвращения в прошлое, в грязь и месиво фронтовых дорог, в грохот обстреливаемых полей.

— Я ведь не знал, что вы уцелели, Герасим Николаевич,— словно извиняясь за то, что нервничает, и нервничая еще более, произнес Гнедин.— Там, под Колядковичами... Я сам писал потом вашей жене. Ну, слава богу, жив-здоров мой солдат!

— Маша получила то письмо. И теперь где-то прячет... Раз только видел я, как она читала то ваше письмо и ревела. Столько лет прошло, а Маша все плачет, как возьмет в руки письмецо,— вполголоса, чтоб не расслышали пионеры, сказал он Гнедину, вдруг с необыкновенной, как прозрение, ясностью осознавая все: и отчего нужно плакать жене над страшным, пугающим ее и теперь письмом и отчего так нервничает бывший его командир, отправлявший письма женам тех, кто пал под Колядковичами, под Кобрином, под Берлином. Жгуча, неистребима память о вчерашних боях и о бойцах, не вернувшихся из вчерашних боев!

Он тут же и подосадовал на себя за признание, за то, что выдал нечто сокровенное, семейное, потому что Гнедин, едва Герасим Николаевич помянул о письме, о жениных слезах, вздохнул и расстроенно посмотрел вокруг.

Нет, пора Гнедину уходить и оставаться где-нибудь в гостинице, а не здесь, среди присмиревших маленьких людей, и Герасим Николаевич лишь пожалел о том, что так они и расстанутся с Гнединым, так и не узнает Гнедин о сыне его, Сергее, который прибудет в отпуск нынче или завтра.

— Я жду вас,— угадал Гнедин его сожаление, его невысказанную мысль и еще раз напомнил, что ждет в гостинице, сейчас же, днем, если можно.

И, значит, никакой не последний был для Герасима Николаевича бой под Колядковичами, а пойдут они дальше с командиром, пойдут в наступление... Вчерашние бои солдат — сегодняшние бои солдат!

Кружило голову от непредвиденной встречи, смотрел в окно Герасим Николаевич, следил, как поднимается Гнедин вверх по улице, таил Герасим Николаевич загаданное: чтобы вдруг повстречались на улице сын Сергей, курсант, и генерал Гнедин, чтобы четко откозырял Сергей Гнедину, вовсе не подозревая о том, что отдает честь однополчанину отца, бывшему командиру отца...

И как-то само собой случилось так, что он почувствовал себя совсем независимо и вовсе не интересовался, какими глазами глядит теперь на него Станислава Чеславовна и что о нем думает. Он знал прежде ее снисходительное отношение к себе и то, как думает она о нем: и что одет он плохо, и что человек он без образования, и что остается ему дожидаться пенсии, жить календарными заботами, копать в огороде грядки и заготавливать на зиму дрова. Молодая, зеленая, не могла она знать рождавшихся в музейной тиши его мыслей о битвах, полководцах и солдатах, не могла она знать того, что так ценят в жизни бывалые, воевавшие люди.

— Надо мне к командиру,— сказал он Станиславе Чеславовне, когда настал срок дневного перерыва.— Надо мне к фронтовому другу. Я могу и задержаться, конечно. Потому что это мой фронтовой друг.

— Я понимаю, Герасим Николаевич! — вырвалось у Станиславы Чеславовны.

Он мог судить лишь по голосу ее, какие перемены творились теперь в ее душе, а на лицо ее не смотрел, просто говорил и смотрел в окно, как носятся там белогрудые ласточки, как с жизнерадостным щебетом вылетают на волю, взмывают над булыжниковой зыбью, над каштанами, над старыми, из дикого камня домами.

В одном из таких уцелевших и во времена давнишних бомбежек домов из дикого камня уже были заперты двери бакалейного магазина, уже настал час дневного перерыва, и несколько минут Герасим Николаевич переминался с ноги на ногу у дверей, подергивал ручку, оглядывался по сторонам, не примечают ли его прохожие. Он и сунул денежки продавщице, жевавшей булку, и попросил:

— Не откажи, Люба. Тут у меня друг приехал. Генерал — может, слышала?

Как назло, он забыл тот номер, в котором остановился Гнедин, и, поглядев в даль коридора, поглядев на женщину, сидевшую за барьером, такую строгую, со странно убранной головою, с косою, уложенной сверху короною, он не осмелился спрашивать у этой женщины и побрел по коридору, стараясь припомнить и надеясь на свое чутье.

— Вам кого? — окликнула вдруг эта женщина, вышедшая вслед за ним из калитки крашеной перегородочки, за которой она была неприступна для незнакомых, приезжих людей.

Но в маленьких городах люди знают друг друга, знала женщина, коронованная русой косою, и его, Герасима Николаевича, и лишь прикидывалась беспамятной, не расположенной к пришельцу.

— Постойте,— строго повелела женщина.— Я пойду узнаю. Может быть, генерал Гнедин отдыхает. Так вы постойте.

Но уж тут Герасим Николаевич осерчал и грубовато возразил:

— Это для какого-нибудь Ивана Петровича он отдыхает. А мы с ним вместе воевали!

И он стал нарочито громко вышагивать по коридору вслед за женщиной, а у дверей, подле которых она остановилась, отстранил ее, сам постучал, сам ступил первый.

И, уж не заботясь о деликатности, он без слов, с каким-то вызовом взял да и поставил бутылку на скатерку, потому что нечего ему робеть перед Гнединым, потому что вместе с Гнединым они лежали на пуховом снегу под Колядковичами.

— Вот это по-нашему, по-солдатски! — восхитился генерал и словно бы призвал восхититься и другого человека, с мелкими чертами лица, в мелких барашках волос, в котором Герасим Николаевич признал зоотехника из ближайшей деревни.

И только теперь, осмотревшись, Герасим Николаевич смекнул, что это номер на двоих жильцов, что гостиница переполнена и Гнедину не нашлось отдельного номера. Приметил, что накурено здесь, накурено двоими и что зоотехник, кажется, и не умеет курить, а лишь подделывается под курильщика.

— Хороша землянка! — усмехнулся Герасим Николаевич, потому что лишь в землянке не продохнуть.

А Гнедин, восхитившийся поначалу, откупоривал бутылку без воодушевления.

— Нет, не подумайте чего, Герасим Николаевич,— перехватил Гнедин его взгляд и пощелкал по бутылке.— Мне теперь не положено. А только давайте за вас! За то, что воскресли! И как занесло живого в списки потерь?

— А я и сам не знаю,— надкусывая яблоко и все еще ощущая во рту терпкость вина, простодушно подхватил Герасим Николаевич.— Сам не знаю, как вырвался из тех списков потерь...

— Ну, жив-здоров, солдат,— за наше возвращение в роту! — словно избавляясь от того, что долго удручало его, повторил Гнедин тост.— Я, Герасим Николаевич, вот не первый день догоняю роту. Как наступил отпуск, так я и пошел по нашим следам. За-

хотелось проехаться по всей огненной линии. Всюду, где проходил фронт...

— От самых Колядковичей? — удивленно, тихо спросил Герасим Николаевич, тут же молча удивляясь и тому, что никак не выпадают из памяти эти Колядковичи, где он погиб и где воскрес.

— Если бы от Колядковичей,— грустно покачал головою Гнедин.— Оттуда, браток, начал дорогу, оттуда...— И он значительно взглянул, взмахом ладони отгоняя от лица папиросный дым, чтобы Герасим Николаевич видел его незадымленный взгляд и понимал намек.— И вот где поездом, где автобусом — все за своими солдатами, да... Об этом и книгу пишу.

Тут Герасим Николаевич, наклонившись к столу и водя по жесткой, накрахмаленной скатерке пальцами, перебирая ими коричневое яблочное семечко, и понял, насколько нелегок путь бывшего командира, если каждый день опять наступаешь, опять недосчитываешься боевых друзей.

— Так вы, значит, вместе, вы однополчане? Вон что!— поразился зоотехник, ерзая на стуле и все заглядывая генералу в лицо.

Гнедин промолчал на это, лишь папиросным дымом, как завесой, окутал себя — скрылся в голубых сумерках.

— И какой же это фронт? Третий, а? Извините меня, товарищ генерал, я не воевал, я тогда малец был. А только, думаю, Третий Белорусский? Верно, а? — допытывался зоотехник, и было видно, что ему очень лестно сидеть рядом с генералом, жить с ним в одном гостиничном номере, как в одной землянке, вникать в разговор, обращать на себя внимание.

Да только Герасим Николаевич, уловив мелькнувшее на лице Гнедина раздражение, догадался, что зоотехник уже наскучил Гнедину своими атакующими вопросами и что об этом обо всем зоотехник и генерал уже переговорили, а зоотехник опять настырен, неиссякаем, опять настойчивыми возгласами смущает Гнедина.

И Герасим Николаевич строго, осуждающе посмотрел на непоседливого зоотехника.

— Удивителен русский человек,— благодарным, раздумчивым голосом сказал Гнедин, опять взмахом руки уничтожая папиросный туманец вокруг себя.— Как помню, вы в первой цепи ворвались на окраину. Там укрепления, а вы в первой цепи, Герасим Николаевич, вы под самые пули, уж это я сам видел. И вот живет русский человек, ничем не напоминает о себе, никому ни слова про свой подвиг...

— Такое и у нас в Засонках!— подхватил зоотехник.— Аккурат такое. Панасевич наш — нихто про него не знал. А тут приходит наградная с военкомата. И нихто в Засонках про него не знал, а он такое на войне робил, такое! Вот тебе и на!

— Какой там подвиг,— обиженно отвечал Герасим Николаевич Гнедину, вовсе не слушая порывистой, захлебывающейся речи зоотехника.— Столько ребят полегло, столько наших ребят!

— У нас в Засонках тое ж самое. Зайди в кажную хату, спытай — и то кормилец не пришел с войны, то сын...

При этих словах Герасим Николаевич и Гнедин разом повернулись к зоотехнику, Герасим Николаевич даже почувствовал стыд за то, что поначалу невзлюбил говоруна, а ведь он, этот говорун, может быть, подрастал сиротой. И очень неловко стало Герасиму Николаевичу, он даже исподтишка еще раз взглянул на зоотехника, пытаясь уловить по его лицу, по его глазам, не догадался ли тот сразу о его неприязни.

Поощренный их вниманием, зоотехник подхватился из-за стола, заговорщически, вполголоса стал говорить о том, что он сейчас сбегает и вернется, магазин тут рядом и Люба ему даст из-под полы самое хорошее питье. Герасим Николаевич поморщился, опять досадуя на докучливого собеседника, а Гнедин положил руку зоотехнику на плечо, приглашая его сидеть и не бегать зря за питьем.

— Я ведь и уезжаю скоро,— с сожалением посмотрел Гнедин на одного, на другого.— Поездом. Туда, к границе. За своими солдатами следом...

— Да как же!— растерялся Герасим Николаевич, вдруг осознавая, что ничего из замышляемого им не выйдет, что не удастся зазвать Гнедина в дом, не удастся познакомить с женою, с сыном Сергеем, который прибудет сегодня или завтра,— какая оплошность, какая досада!

И он взглядом попросил Гнедина задержаться хоть на день, хоть до приезда Сергея, а Гнедин тоже взглядом отвечал, что пора сниматься с привала, пора следовать дальше.

Понимая, что это разлука надолго, что уже не приведется, быть может, им свидеться, потому что у каждого свое дело, свой город и свой жизненный срок, Герасим Николаевич с жадностью обреченного на близкое прощание человека стал вопрошать Гнедина о его службе, о его прошлых боях и наступлениях, о его здоровье, семье, о всех близких ему однополчанах, а Гнедин отрывочно и тоже лихорадочно, поспешно узнавал о его, Герасима Николаевича, чудесном воскресении из мертвых, о здешнем оседлом житье, о бессменном его карауле в Суворовском доме. Понесло, понесло обоих в ушедшее, вчерашнее! И так неисчерпаемы оказывались прожитые годы, так наслаивалось одно на другое, так переплеталось одно с другим, так неутомимо было желание знать все о жизни того, с кем когда-то наступал, с кем лежал на снегу под Колядковичами!

То и дело встревал в разговор и зоотехник, обрадованный этой несмолкаемой речью обоих, взвинченный их волнением, и Герасим Николаевич уже беспокоился, как бы не увязался зоотехник провожать генерала, потому что Герасиму Николаевичу самому хотелось пройти напоследок по городу со своим бывшим командиром. Чтобы видели горожане его рядом с большим, заслуженным военным человеком!

И как только собрались покидать гостиницу, измученные часом беседы, прожившие вновь три десятка лет за один час беседы, как только Гнедин ушел расплачиваться и забирать паспорт, Герасим Николаевич требовательно предупредил зоотехника:

— Мы одни с генералом. У нас еще не все... еще есть кое-что. Так что мы с ним вдвоем.

— А то, может, вы сами по себе на вокзал, а я сам по себе? — почти молитвенно попросил зоотехник, цепляясь за последнюю надежду.— Там и пива попьем, а?

— У нас очень важное не обговорено,— отказал он, пряча глаза.

И, как и полагал он, горожане провожали их с генералом долгими взглядами, горожане встревоженно и почтительно шушукались, замечая их.

На перроне же вокзала ему и вовсе затмило глаза от радости оттого, что все томившиеся здесь люди только и следили за ними, и было впечатление, что все собрались провожать Гнедина. И так хотелось продлить эти мгновения, когда он с Гнединым был на виду у всех, так хотелось, чтобы припоздал брестский поезд.

Поезд, проходящий через эту станцию и следующий на Брест, не припоздал. Герасим Николаевич и Гнедин крепко обнялись, и как только вошел Гнедин в вагон, так он и потерялся, кажется. Нет, Гнедин не потерялся, Гнедин кивал ему из окна, да почему-то лица других пассажиров оказывались перед глазами Герасима Николаевича, и он помахивал рукою, улыбался растерянно, тут же хмурился и досадовал, что улыбается всем незнакомым пассажирам и помахивает им, опускал замлевшую руку, а потом вновь помахивал.

Он даже помахивал и тогда, когда прошелестел уходящий поезд, когда мелькнул красный фонарь последнего вагона, а потом пошел, натыкаясь на людей, прочь с перрона.

— Ну что вы толкаетесь, гражданин? — шутливо спросил у него знакомый розовощекий железнодорожник, которого Герасим Николаевич признал не сразу, а лишь присмотревшись к нему.

— Пыльно тут у вас,— пробурчал он, потирая увлажнившиеся глаза.

— А вы папироску, папироску, Герасим Николаевич,— сразу посерьезнел железнодорожник, щелкнул портсигаром, раскрывая серебристое свое сокровище с неровными папиросками, пристегнутыми белыми резинками.— Тут у меня и гродненские и московские. Любую берите. Ну хоть беломорину.

Затяжка, еще одна затяжка — и табак вернул Герасима Николаевича к трезвости, к грустному сознанию утраты друга, и когда железнодорожник полюбопытствовал, уж не фронтового ли друга он встречал, Герасим Николаевич кивнул головой и спохватился внезапно:

— А сына моего случайно не видели? Сергея моего? Ну, беленький такой, курсант. Да вы знаете его! Не видели случаем, не приехал этим поездом?

— Да разве увидишь курсанта за генералом? — опять пошутил железнодорожник.— Тут все только и глядели на генерала...

— А это еще неизвестно, кем будет Сергей,— недружелюбно, с обидою сказал Герасим Николаевич.— Я и сам, может быть, остался бы в армии, если б не такое дело...

И, воодушевленный значительностью своих слов, он с важным видом покинул железнодорожника, вздохнувшего сочувственно и также сочувственно глянувшего на его полый рукав, и уже возвращался к центру, занятый мыслями о незадавшейся своей судьбе, о том ранении под Колядковичами, о судьбе сына, которого, быть может, и впрямь ожидает завидная участь. И он почти с нескрываемой жалостливостью представлял какие-то будущие времена, когда к нему, старику, приедет офицер, похожий на него, старика, и они с сыном, как вот нынешним днем с генералом Гнединым, пойдут по городку, их будут узнавать, почтительно шептаться за спиной, раскланиваться...

Ласточки, роняя журчащее свое щебетание, вспархивали перед ним, опережали его, проникали в свою лепную обитель под карнизом Суворовского дома, и он смотрел издали на окна музея и не видел лишь в одном из окон Станиславы Чеславовны, лишь у самого дома разглядел, что Станислава Чеславовна с озабоченным видом манит его поскорее идти, поскорее.

Он почти влетел в музейные комнаты, ожидая, что вот сию минуту окажется в крепких объятиях сына, который приехал, приехал, приехал!

— Приехал ваш сын,— стараясь не уронять своего достоинства и все же теплее, чем обычно, произнесла Станислава Чеславовна.— Совсем праздничный у вас день, Герасим Николаевич. И поскольку праздник, идите празднуйте.

Невесомой, легкой иноходью поспешал Герасим Николаевич к своему дому и остановился у палисадника, защищенный от взглядов родных, от их голосов из распахнутых окон буйной порослью барбариса, густыми ветвями кустарника.

Есть особенное счастье стоять вблизи своего дома, слушать родные голоса, молча внимать голосам, наслаждаться предстоящими мгновениями встречи с сыном и утешаться тем, что жизнь сложилась удачно, если он сам воскрес тогда, в тыловом госпитале, если осталась верною жена Маша, если вырос сын, который еще вчера жил с ними в одной семье, а сегодня уже гость...

Когда он тихо ступил на порог отворенного дома, то увидел жену и сына за столом, за разговорами, послушал с улыбкою их слова и лишь через секунду-другую привлек их внимание:

— Маша! Сергей! Да это же я...

И уж после всего, после крепких объятий, после первых, сбивчивых, несуразных слов, после первых тостов, все еще любуясь крепышом Сергеем, его ладной фигурой, его новенькой курсантской формой, его белесыми, коротко стрижеными волосами, восхищаясь тем, что вырастил такого богатыря, Герасим Николаевич все еще бестолково восклицал:

— А я фронтового друга провожал! С которым под Колядковичами... А ты, Сергей, уже сразу в музей? Тебе там сказали, где я? Тебя узнали, Сергей?

— Мне так и сказали, что ты ушел с генералом,— сдержанно ответил Сергей.

— Ну да, с генералом! Мой друг по фронту ко мне приезжал. А ты, Сергей, ты как спросил? Ты сказал, кто ты?

— Меня сразу узнали, отец,— улыбнулся Сергей.— Сказали, очень похож на тебя.

— Нет, ты подробно, подробно, Сергей!— волновался Герасим Николаевич, очень заинтересованный тем, как приняла гордая Станислава Чеславовна его сына.— Она у нас такая паненка — Станислава эта, директор наш. Она могла, знаешь, и небрежно ответить.

— Наоборот, очень вежливо отвечала, отец.

— Нет, ты скажи, как она сразу тебя приняла?

— Ну, я спросил, где Герасим Николаевич, где я могу видеть Герасима Николаевича,— с недоумением посматривая на него, повторял Сергей свои недавние слова.

— А она как? Что она?

— Она пошутила: «Да вы же сами вылитый Герасим Николаевич».

— Так и сказала? А дальше, дальше что?

— Что к тебе приехал генерал...

— Нет, она верно сказала, что ты вылитый Герасим Николаевич?

— Ну да. Только, мол, я пошире тебя в плечах. И вообще, папа, не показалась она мне, как ты говоришь, паненкой. Я бы сказал — приятная даже.— И Сергей при этих словах вспыхнул и посмотрел на всех испуганно-радостно.

— Господи, дай ты ему поесть!— сердито прикрикнула на Герасима Николаевича жена.— Далась тебе эта Станислава. Сопливая она, а ты воевал, ты заслуженный человек. И тебе так важно, что сказала она, что подумала... Господи, цаца какая! И дай поесть Сергею, он же с дороги.

Герасим Николаевич благодарно и нежно взглянул на жену, тут же согласился со всем, тут же дал слово помалкивать, тут же разные закуски стал подвигать Сергею, чтобы тот ел, не стеснялся, но уже через минуту не сдержал своего слова и спросил вполголоса, потаенно, с горделивостью:

— А техника наша теперь как? Всем врагам на страх — верно, Сережка?

Сергей насторожился, ни слова не проронил, лишь головой покачал, словно давая понять, что есть такие вещи, о которых нельзя говорить ни с матерью, ни с отцом и о которых могут лишь догадываться бывалые солдаты.

— Я понимаю, понимаю, Сергей!— повинился Герасим Николаевич.

— Да дай ты ему посидеть спокойно,— с укором взглянула на него жена.

— И то верно, и то верно,— забормотал он, выбираясь из-за стола.— Пойду курну.

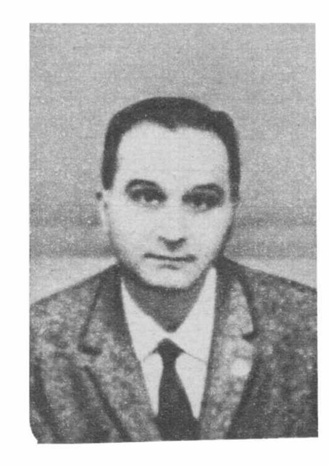
В коридоре же, прижимая коробок рукою к груди и этой же рукою чиркая по коричневому, рождающему искру бочку спичечного коробка, он вздохнул счастливо, свободно и подумал, что жизнь его вдруг, в одночасье, переменилась. И была главная перемена вовсе не в том, что теперь иными глазами будет глядеть на него Станислава Чеславовна, что жители города запомнили его расхаживающим по улицам, по перрону станции с генералом, что соседи будут твердить о том, какой богатырь у него сын,— нет, не в этом была главная перемена, хотя встреча с фронтовым другом и встреча с сыном необычайно воодушевили его. Он вспомнил слова жены Маши о том, что он заслуженный человек, что он воевал, и правота слов жены, простая, будничная правота приобретала сейчас очень глубокий смысл и словно определяла ту душевную стойкость, с которою ему надлежит жить дальше.

«Нет,— думал он,— как удивительно права Маша, как она мимоходом подсказала мне, что я должен гордиться всем: и что воевал и что вырастил сына!»

Он ткнул рдевшую огоньком папиросу о коробок, обжег посыпавшимися искорками пальцы, обжег свою душу кратким, молниеносным воспоминанием о последнем бое, о госпитале и, как вернувшийся с фронта солдат, встал в дверном проеме и снова позвал обоих:

— Маша! Сергей! Да это же я!..

Омер Фарук ТОПРАК

МОЛЧАЩАЯ АНАТОЛИЯ

Омер Фарук Топрак родился в Стамбуле в 1920 году. В Турции он один из ведущих поэтов реалистического направления. В годы второй мировой войны он с группой прогрессивных поэтов выпускал художественные, общественно-политические журналы «Революционная молодежь» и «Демонстрация». Омер Фарук Топрак — автор стихотворных сборников «Люди», «Свобода», «Разжигающие костры в горах», «Молчащая Анатолия».

По землям, зноем иссеченным, я иду.
Иссохли губы в кровь. В застывших вечерах, в деревьях мертвых,
В твоих глазах — повсюду вижу я Сивас и Эрзинджан.
В ночи спускаюсь в глинобитные дома.
При тусклом пламени лучины молчит сестра моя Доне
Как снять с лица ее печали облака?
Чья песнь тоски слезу исторгнуть может
У обездоленных, живущих, как трава,
В степях, на реках и в горах?
Но думать учится неграмотный народ.
Двадцатый век и здесь пахнул горячим ветром...

Покуда ты блаженно пьешь вино в оранжевых закатных облаках,
Сухая степь уходит вдаль в колючих травах...
Что знал ты о подземных деревнях —
А их девять тысяч семьсот,— где сутки длится ночь,
Где образ школьного окна, распахнутого в день,
Еще в извилинах мозгов не отражен?
Где песни горестны и тяжелы, как стон?!
Что знал ты о нечесаных, немытых? Всё дальше на Восток,
За горизонт, Тортум обжег мои глаза
Несчастий бесконечной чередой...
О Анатолия! Не мучь, не в силах плакать.
Я, как кирпичная труба, упершись в облака,
Стою и думаю...
От Караджаоглана я научился так любить Восток.
В одном глазу моем — Сиирт, в другом — Битлис и Муш.
На дальних берегах твоих зажгу маяк,
И приплывут, причалят корабли к моим зрачкам,
Свалив у ног сырые ночи Ризе...

Диярбакыр мне рассказал судьбину бед,
Как вместе со скотом живете вы в пещерах,
Где змеи, скорпионы, пауки
И голубой бонджук на детских люльках
От злого глаза...
Долго я бродил. Я жил в твоих трущобах, Эрзурум,
И раскаленный вечер вдруг спадал,
И блеск мелькал в глазах у хищной птицы...

Под закоптелым котелком огонь; к нему тяну я книгу...
Как терпеливо ты молчишь в Сивасе
С тех пор, как пел здесь Пир Султан Абдал!..

Перевела с турецкого К. Белова.

Караджаоглан — народный поэт (певец саза) XVII века, живший в Восточной Анатолии. Своим творчеством он оказал значительное влияние на ашугов-современников (Ашык Омер, Джевхери и другие), а также на поэтов более позднего времени.

Пир Султан Абдал — народный поэт (певец саза) XVI века. Его имя широко известно в Турции. Знают его не только как поэта, но и как героя, возглавившего антифеодальное восстание сивасских крестьян. После разгрома восстания он был казнен. В 1968 году драматург Эрол Той написал пьесу «Пир Султан Абдал», рассказывающую о героической борьбе и гибели народного певца. Его произведения составляют неотъемлемую часть репертуара сегодняшних турецких ашугов.

Сивас, Эрзинджан, Тортум, Сиирт, Битлис, Муш, Ризе, Диярбакыр, Эрзурум — названия городов Анатолии.

Бонджук — бусинки-талисман.

БЛОК И Н

Василий **ФЕДОРОВ**

Наш нынешний мир не менее сложен, чем во времена Блока. Сегодня не менее остро стоят проблемы интеллигенции и революции, интеллигенции и народа. Из проблем национальных они в силу революционного обновления мира переросли в проблемы глобальные с тем же предостерегающим и требовательным вопросом: «С кем вы, товарищи интеллигенты?» Вот почему в наше время в буржуазном мире появляется множество философских теорий, отвлекающих интеллигенцию прежде всего от кровного союза с рабочим классом, от активной борьбы с буржуазным строем, обещающих людям науки и техники скорое царство технократии, целомудренное руководство в нем интеллектуалов. Но сама буржуазная действительность, не очень церемонясь, разоблачает эти теории.

Да, ряды интеллигенции — технической, научной, творческой — сегодня растут с невероятной быстротой, ее значение в народной жизни увеличивается с каждым днем, но от этого она не становится обособленной кастой с какими-то особыми проблемами. Главные проблемы — проблемы мира и хлеба — всегда народные. Если этот взгляд справедлив в отношении всей интеллигенции, то вдвойне справедливей в отношении интеллигенции творческой, успех которой целиком зависит от корневых связей с народной жизнью. Нам нужно остро ставить основной нравственный вопрос: «Зачем мы?» Мы же не родились поэтами, а в большинстве пришли в поэзию от какого-то дела и уже в силу этого должны чувствовать себя не частными людьми, а хотя бы представителями той части людей, с которыми работали. Это совсем не значит, что мы должны быть поэтами своих прежних профессий, на что иногда нас толкают критики, но сознание своей причастности к производительному труду не может не обострить мысль: «Зачем от непустяшных дел, ценимых народом, мы пришли в поэзию?» Честного ответа на этот вопрос требуют от нас сама поэзия и высшее чувство творческой свободы. Поэт волен выбирать себе любые темы, но в одном он не волен — работать во зло народу, в помеху его движения к счастью, к социальной справедливости, на пути к которой еще так много преград. Мы обязаны определить свое место в общей борьбе не из послушания, а из нравственной дисциплины.

Гражданственность всегда предполагает народность. Блок всю свою жизнь пробивался сквозь мистическую атмосферу своего близкого окружения и вышел из него к подлинной народности, к судьбам простых людей, о которых потом сказал:

А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.

Поэт обронил всего одну фразу, но в ней — судьба, в которой видишь трудную историю и самого русского народа и его длинных протяжных песен. «Я боюсь каких бы то ни было проявлений тенденции «искусство для искусства»,— записывает он в дневнике 1919 года,— потому что такая тенденция противоречит самой сущности искусства и потому что, следуя ей, мы в конце концов потеряем искусство...»

Боязнь потерять искусство толкала Блока на постоянные поиски новых источников его питания. Одно время, например, он сильно увлекался цыганскими песнями, инстинктивно чувствуя, что в их страсти, в их раздольной близости к природе, в непосредственности есть некий пигмент, способный подсмуглить его собственные стихи.

Многие критики совершенно справедливо отмечают после Пушкина и Лермонтова влияние на Блока таких поэтов, как Полонский, Анненский, Фет и Тютчев, но мало кто в полной мере оценивает влияние на него Некрасова, а оно было огромным. Проявляется это влияние не сразу, не в «Стихах о Прекрасной Даме» и не в «Распутьях», а в канун первой русской революции, когда в поэте пробуждается гражданин. В это время он пишет цикл стихов «Ее прибытие», объединенных одной темой моря и труда, полный ожидания и предчувствий прихода больших социальных событий, а вместе с ним и перемен в жизни. Здесь в его стихи впервые отчетливо входит тема рабочих людей. Первое стихотворение цикла — «Рабочие на рейде» — несет на себе особую смысловую нагрузку.

Широки ночей объятья,
Тяжки вздохи темноты!
Все мы близки, все мы братья —
Там, на рейде, в час мечты!

В те же дни Блок пишет небольшое стихотворение с более четким представлением о новой социальной силе, способной совершить перемены, двинуть жизнь в новом направлении.

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога
На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далеко,
Весело плывут.
Только нас с собою,
Верно, не возьмут!

Вот еще когда и вот с чего началось разъединение Блока с Гиппиус и ее единомышленниками. 1905 год, обозначенный Блоком началом водораздела между ними, лишь укрепляет его в неизбежности разрыва. До этого он был слишком связан и с кругом символистов и вообще с той социальной основой, на которой он вырос. Поэтому-то и появилась меланхолическая концовка стихотворения: «Только нас с собою, верно, не возьмут!» С этой поры некрасовская линия в поэзии Блока становится все отчетливей и постоянней.

Пока перед Блоком не вставал остро вопрос социальных перемен, можно было увлекаться и Полонским и Фетом, находить у них жемчужины поэзии, наслаждаться ими, но теперь пришла необходимость найти силу более мощную и постоянно действующую, отмеченную печатью народности. В таких условиях обращение Блока к Некрасову как поэту узловому, как поэту общерусского демократического направления было естественным и логичным.

Если обратиться к истории нашей национальной поэзии доблоковских времен, то в поле видимости окажутся наиболее веховые поэты: Ломоносов — Державин — Пушкин — Лермонтов — Некрасов. При этом даже такой отличный поэт-философ, как Тютчев, будучи на линии главного направления, не представляет вехи. Для этого он слишком в самом себе, без выхода к широкой народной жизни. Как видим, до Блока символизм оборвал свои связи с главным направлением русской поэзии, точнее — он устанавливал их через голову Некрасова, непосредственно с Пушкиным и Лермонтовым. Таким образом, от главного направления оттеснялось его самое демократическое звено, а без него уже можно было уходить в любые туманы. Заслуга Блока в том и состоит, что уже в эпоху первой революции он установил непосредственную связь с Некрасовым и тем устранил из русской поэзии дисгармонию исторических связей, беря на себя функцию очередной вехи: Некрасов — Блок.

Если первый поворот к Некрасову сказался прежде всего на выборе Блоком новых тем, на их демократизации, как с идейной стороны, так и с формальной, то позднее это привело к новому, более высокому качественному результату. В 1910 году появляется стихотворение «На железной дороге» — удивительный сплав, в котором некрасовское органически вошло в кровь и плоть блоковского стиха:

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

В дальнейшей разработке этого стихотворения мы заметим слишком очевидные совпадения. У Некрасова: «На тебя, подбоченясь красиво, загляделся проезжий корнет»,— у Блока:

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул — и поезд в даль умчало.

Здесь такое совпадение даже закономерно, потому что речь идет об одной и той же судьбе, лишь в разное время. Блоковское сечение этой судьбы беспощадней и трагичней. У Блока нет более пронзительной концовки:

Не подходите к ней с вопросами,
Вам все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — все больно.

Знаменательно, что одновременно с некрасовскими мотивами в поэзию Блока уже на всю жизнь входит тема России. До середины пятого года среди множества его стихов, уже довольно широкого морально-этического круга, мы не встретим даже ее упоминания. Январский расстрел на Дворцовой площади вдруг раскрыл поэту глаза на нее. Еще год назад он писал: «Я живу в глубоком покое»,— а тут увидел ее — не из окна квартиры, а где-то на Рогачевском шоссе и заговорил навзрыд:

Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...

Дальнейшее развитие темы родины идет рука об руку с гражданско-некрасовской линией. Характерный факт: стихотворение «На железной дороге» написано после мощного цикла «На поле Куликовом» и объединено общим названием «Родина». Процесс самосознания

Окончание. Начало см. в № 5.

АШЕ ВРЕМЯ

шел через познание России в широком историческом аспекте. Не надо забывать о том, что стихи «На поле Куликовом» появились в годы глухой реакции, в годы обманчивого затишья в общественной жизни страны, когда, в надежде закрепить это затишье, Столыпин предпринял свою реакционную земельную реформу. Если в пятом году настроение поэта в отношении «Руси пьяной» всего-навсего страдательное, то теперь мы ощущаем в стихах силу бесстрашного бойца: «И даже мглы — ночной и зарубежной — я не боюсь». Здесь не просто минутный порыв, а вера в родину, в ее народ и в себя, выстраданная годами горьких раздумий.

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

Включая эти стихи в собрание своих сочинений, Блок сопроводил их многозначительным примечанием: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди». Вот почему поэт все пристальней вглядывался в будущее России, связывая его с революцией, с победой народа. В стихах этого цикла современники Блока искали и находили пророчество революции, но было оно выражено в такой символической форме, что мережковские и прочие могли считать автора еще своим. В каждой строке ищущего поэта была такая горькая очевидность, которую признавала даже самая изысканная интеллигенция буржуазного толка.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет,—
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Как видим, образ России еще таков, что после него каждому можно было строить для нее любую модель: одним хотелось превратить Россию в сектантскую молельню, другим — в сколок западного парламентаризма, где, как сказано Блоком, «рано или поздно некий Милюков произнесет: "Законопроект в третьем чтении отвергнут большинством",— сам же Блок пошел к «Возмездию», «Двенадцати» и «Скифам» — к признанию Октября с его новой, революционной формой национального самосознания. И на сей день жизненно мудра мысль Блока, записанная в дневнике вскоре после Октябрьской революции: «Ненавидеть интернационализм — не знать и не чуять силы национальной». Так сформировался поэт-гражданин, поэт-политик, поэт-революционер.

Опыт Блока — жестокая и мудрая школа для молодых поэтов. Что скрывать, некоторые из них в понимании Блока не идут дальше «Стихов о Прекрасной Даме», хотя в них-то и заложена нравственная основа всех его исканий, двигатель на тернистом пути, который я попытался обозначить в этой статье. Больше того, наблюдается парадоксальная картина: рафинированный интеллигент Блок, как и должно истинному поэту, приходит к рабочему человеку с великой идеей преобразования мира, а наш юный поэт, из рабочих, не то от малограмотности, не то от трусливости напускает на себя этакий интеллектуальный туманец. Настоящий поэт — труженик, с людьми труда ему всегда по пути, ибо у поэта, как сказал Я. Смеляков: «И слово трудом достается, и слава добыта трудом».

Блок учит нас сегодня мыслить большими категориями. Когда его занимали мелкими мыслями и делами, он имел обыкновение говорить: «Но ведь это не имеет мирового значения». Все факты жизни он высвечивал на мировом экране, отчего ясней становились и отдельные судьбы людей. Это качество Блока нам особенно нужно сейчас, когда мир разделен на два непримиримых лагеря.

В том-то и сложность, в том-то и наша ответственность, что мы имеем дело с миром и социально и идеологически пестрым — от красного до черного. Нашим противникам очень хочется перемешать все краски мира, запутать и растворить нас в нем. С этой целью на нас обрушивают множество всяческих теорий литературы, множество надуманных моделей социализма, мифы о полнейшей независимости поэта от общества. А мы и так по-блоковски независимы, потому что сами определили свое место на великой стройке коммунистического общества.

В том и состоит урок Блока. Слова Ленина о том, что «коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», можно целиком и полностью отнести к идеальному образу поэта. Если мы сегодня еще далеки от этого идеала, то в этом виновата наша леность и нелюбопытство. Только глубокое знание мировой культуры, истории классовой борьбы может дать честному художнику подлинную свободу и смелость, поможет ему разобраться в нынешней пестроте оппортунистических теорий.

На протяжении многих лет мне приходилось довольно часто и писать и говорить о стихах некоторых, теперь уже немолодых поэтов, в свое время переживших дурное влияние тех самых теорий, о которых я говорил выше. За последние годы в их творчестве многое переменилось в лучшую сторону. Частью они сами отказались от шумного, скандального успеха, частью в шумном успехе им отказал их повзрослевший читатель. Общая атмосфера, как уже справедливо отмечали многие, стала более деловой, более сосредоточенной. Но теперь стали раздаваться голоса некоторых критиков о том, что в нашей поэзии наступило затишье, объясняемое общим поэтическим спадом. Похоже, эти критики недовольны тем, что молодые поэты перестали их развлекать.

Сейчас я называю мало имен. Если бы я начал их называть, мне пришлось бы назвать те же имена, которые уже назывались мной в недавнем докладе на нашем российском съезде. Остановлюсь лишь на поэме Е. Евтушенко «Казанский университет», напечатанной в «Новом мире», вернее, остановлюсь только на одном поэтическом узле этой поэмы.

В «Казанском университете» мы встречаемся с юным Лениным, только что пережившим гибель старшего брата, казненного за покушение на царя. Поэт приводит юного Ленина в трактир, чтобы написать такие стихи:

И, корчась, будто на колу,
поднявшись угловато,
он шепчет всем и никому:
«Я отомщу за брата!»

Если не считать трактира, куда вопреки исторической правде поэт привел молодого, семнадцатилетнего Ленина, да просто безобразной строчки «И, корчась, будто на колу», я бы принял эти стихи, но Е. Евтушенко пошел в своих обобщениях дальше и фразу юного Ленина, брошенную в первом порыве гнева, перенес на все революции вообще.

И призрак страшного суда
всем палачам расплата,
и революция всегда
по сути — месть за брата.

Допустим, «месть за брата» вместе с тем и месть за всех угнетенных, замученных, все равно к революции, которой потом руководил Ленин, она не имеет никакого отношения. Для мести можно было бы изготовить еще десяток бомб и взорвать их. В том и величие нашей революции, что в ее главную задачу входила не месть, а более великое, не временное — переустройство мира. В том и сила ленинского характера, что он не сбился на месть за брата.

В общем-то талантливый поэт Е. Евтушенко часто берет темы острые, гражданские, но решает их торопливо, поверхностно, что при эмоциональной избыточности стиха особенно непростительно.

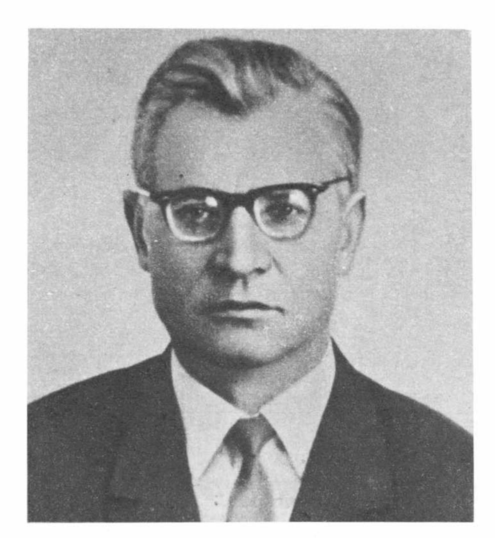
За последние годы в нашей поэзии стала слишком заметной тема страдания. Слов нет, состояние сегодняшнего мира, к сожалению, еще таково, что вполне счастливых, как редкость, надо выставлять на всеобщее обозрение. Но страдание страданию рознь. Было высокое страдание Есенина от сознания:

Но эта пакость —
Хладная планета!
Ее и Солнцем-Лениным
Пока не растопить!

А в некоторых нынешних стихах даже не знаешь о причинах страдания, как будто все равно, кто страдает и почему страдает. А что мне страдание жулика, не сумевшего обмануть честного человека, страдание честолюбца, перед которым закрыли заветные двери. Да, мы гуманисты, но не по отношению к тем, кто, может быть, переживает трагедию оттого, что могут победить силы прогресса. Маловато в нашей поэзии высокого блоковского страдания, даже отчаяния от мысли, что есть еще чудовищные преступления, какие совершает ежедневно мир капитализма... Мы не можем оставаться в стороне от трагедий и болей века...

Нейтралистские теории, активно внедряющиеся в искусство и литературу, носят реакционный, по существу, предательский характер. Нейтральных в борьбе осудил еще Данте, истинно гражданский поэт, быть похожим на которого посчастливилось нашему Блоку. Из презрения к нейтралам он даже не поместил их в пределы своего ада.

И я, с главою, ужасом повитой,
Спросил: «Учитель мой, что слышу я?
Кто сей народ, так горестью убитый?»
А он в ответ: «Здесь мается семья
Ничтожная,— тот жалкий люд, что в мире
Жил без хулы и славы бытия.
Злых ангелов ты зришь в их гнусном клире,
Что, за себя стоя лишь за одних,
Пребыли с богом ни в вражде, ни в мире.
Да не скверниться, небо свергло их,
И ад глубокий выбросил их племя,
Чтоб грешники не стали лучше их».

УЧЕНЫЙ, КРИТИК

В ряду активно работающих критиков и литературоведов хорошо известно имя Александра Ивановича Овчаренко. К своему 50-летнему рубежу он пришел с большими творческими достижениями. Это один из тех исследователей литературы, которые умеют сочетать изучение прошлого и настоящего, плодотворных исторических традиций и живой современности.

Прежде всего нужно сказать об А. Овчаренко как горьковеде. Первой значительной его работой в этой области была книга «О положительном герое в творчестве М. Горького. 1892—1907». Она свидетельствовала: в науку пришел талантливый ученый, глубоко знающий обширный материал и хорошо понимающий путь исканий писателя, открывшего в искусстве эру социалистического реализма. Еще полнее проявились эти черты исследователя в его фундаментальной работе «Публицистика М. Горького», выпущенной в 1961 году. Здесь детально и многосторонне освещена вся публицистика Горького, а вместе с тем и характерные особенности каждого из этапов истории, разобраны статьи многих его современников.

Сравнительно небольшая по объему книга А. Овчаренко «Роман-эпопея М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (1965) привлекает внимание емкостью мыслей и анализа. Рассчитанная на массового читателя, она помогает ему глубоко разобраться в четырехтомной горьковской эпопее. В то же время эта книга позволила литературоведу перейти к другой, более широкой по своей проблематике работе — «М. Горький и литературные искания XX столетия» (1971). Творчество Горького рассматривается тут в связи с мировым литературным процессом, в разнообразных идейных и художественных дискуссиях.

Отличное знание творчества Горького обеспечено у А. Овчаренко и повседневной работой в Институте мировой литературы, где он занимается изданием Полного собрания сочинений писателя.

Однако А. Овчаренко не только горьковед. Он активный современный критик, живо отзывающийся на новые произведения как русской, так и других литератур, в особенности украинской и белорусской. Перу критика принадлежат книги «Эпоха, человек, искусство» (1967), «Социалистический реализм и современный литературный процесс», а также очерки о встречах и спорах с зарубежными литературоведами.

Профессор, доктор филологических наук, коммунист А. И. Овчаренко — трудолюбивый, многосторонний исследователь литературы, активный сотрудник общественных писательских организаций. В своих статьях и книгах он неизменно обращается к теоретическим проблемам.

Наибольшее число своих работ А. Овчаренко создал за последнее десятилетие. Это значит, накоплен большой опыт, и, несомненно, в дальнейшем Александр Иванович Овчаренко еще многограннее проявит себя как талантливый советский ученый и критик.

Виктор ПАНКОВ, профессор, доктор филологических наук

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

КЯХТА

У САМОЙ ГРАНИЦЫ...

На юге Бурятии, у самой границы с Монгольской Народной Республикой, расположилась Кяхта — старейший город Забайкалья. Он приобрел известность как восточные ворота России. На улице Крупской до сих пор стоит дом, в котором полвека назад состоялось собрание монгольских революционеров, вошедшее в историю как I съезд Монгольской народно-революционной партии. На нем был избран Центральный Комитет, в который вошли Сухэ-Батор и Чойбалсан. Отсюда, из Кяхты, шли нити, связывающие руководителей монгольских революционеров с народными массами. Этот дом известен еще и тем, что в 1921 году здесь по предложению Сухэ-Батора было создано Временное народное правительство.

А где же проходили встречи Сухэ-Батора с монгольскими революционерами? На этот вопрос после долгих поисков дали ответ журналисты районной газеты «Ленинское знамя». Удалось установить: совещания проходили на Шилкинской улице, в доме У. А. Эдинг.

Ульяна Александровна, активная участница борьбы за установление Советской власти в Бурятии, помогала монгольским товарищам чем могла. В этом доме, а также в доме на улице Крупской созданы мемориальные музеи.

А. СУРМАЧ,
заместитель редактора районной газеты «Ленинское знамя»

БАКУ

ГЛАВНАЯ ПЛОЩАДЬ

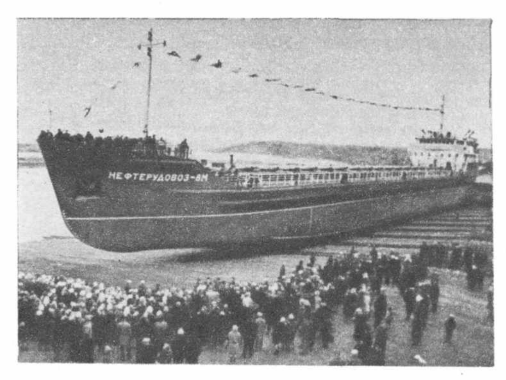
С каждым годом преображается центр Баку. В институте «Азгоспроект» под руководством народного архитектора СССР, действительного члена Академии наук республики М. А. Усейнова разрабатывается проект застройки главной площади столицы Азербайджана. Проект уже шагнул с ватмана на самую большую по масштабам стройку Баку.

Ансамбль открывает громада семнадцатиэтажного отеля «Интурист». В нем уютные номера с лоджиями, холлы и вестибюль, бары, ресторан. На крыше дома — открытая площадка, с которой взору гостей предстанет голубое полукольцо бухты, город и бульвар с каскадом бассейнов. Необычно красиво здание вокзала... В другой части набережной поднимается гостиница «Апшерон». Она словно замыкает прибрежную полосу Баку, включающую и дом связи.

Проект предполагает строительство десяти- и шестнадцатиэтажных домов.

Г. ПОГОСОВ

ПЕРМЬ

НОВАЯ ПРОФЕССИЯ УРАЛА

Как писал поэт: «Урал! Опорный край державы, ее добытчик и кузнец...» Издревле этот край славился своими металлургами, рудознатцами, ювелирами — гранильщиками самоцветных камней. Потом к ним прибавились пушкари, оружейники и машиностроители. В наше время даже трудно назвать такую профессию, которой бы не было здесь.

Стал Урал и признанным корабелом. Строить он начал суда не простые, а необыкновенные — нефтерудовозы. Когда в стране стала развиваться многоводная транспортная система, связавшая Волжско-Камский бассейн с пятью морями, возникла необходимость в новой организации грузовых потоков. Для этого очень подходящими оказались нефтерудовозы, которые могут в оба конца ходить с грузом: в один, к примеру, везти руду, в обратный рейс — нефть.

Первый год девятой пятилетки на пермском судостроительном заводе «Кама» ознаменовался спуском на воду первого в Советском Союзе морского нефтерудовоза. Выпуск подобных судов способствует успешному решению и другой важной задачи — развитию перевозок по схеме «река — море».

Морской нефтерудовоз — судно длиною 120 метров, имеет мощные двигатели, приборы, обеспечивающие автоматизацию судовождения. Сухогрузный трюм вмещает 1 800 тонн руды или другого груза, а в боковые танки можно заливать 2 700 тонн нефти. Предусмотрено, что новый морской нефтерудовоз из речных портов страны будет брать курсы на Италию, Францию, Польшу, Швецию, Финляндию, ГДР, ФРГ и другие страны.

Недавно закончились ходовые испытания первого морского нефтерудовоза, построенного уральскими корабелами.

Н. ВЕРЗИЛОВ

На снимке: спуск на воду морского нефтерудовоза, построенного на пермском судостроительном заводе «Кама».

С. Пипоян. (Ереван) СТРОИТЕЛИ АРПА-СЕВАНА.

Выставка произведений художников Грузии, Азербайджана и Армении

Б. Мирза-заде. (Баку) У НАС В ЛЕНКОРАНИ.

Выставка произведений художников Грузии, Азербайджана и Армении.

На одном из заседаний Совета Национальностей сессии Верховного Совета СССР депутат Хейно Калласте, директор эстонского опорно-показательного совхоза-техникума «Винни», рассказал, что за последние годы в Эстонии много сделано для повышения плодородия почв, и назвал цифру: 26,8 центнера зерна было собрано в среднем с каждого эстонского гектара в первую осень девятой пятилетки.

Собкор «Огонька» по Прибалтике Н. Храброва попросила заведующего сектором экономики сельского хозяйства Института экономики Академии наук ЭССР, доктора экономических наук, профессора Энделя Винта прокомментировать эту цифру.

ФАКТ И МНЕНИЕ ЭКОНОМИСТА

ЗЕМЛЯ РЕСПУБЛИКИ—ОПЫТНОЕ ПОЛЕ

— Прежде всего: такой высокий урожай был собран впервые за всю историю Эстонии. В этом году наша страна отмечает пятидесятилетие Советской власти. И первым, самым главным фактором роста эстонского урожая я назвал бы Советскую власть, принесшую нам братство народов, их постоянную взаимопомощь. И РСФСР и другие братские республики, словом, весь советский народ, подчас отнимая от себя, дали нам многое для того, чтобы мы поставили на ноги наше сельское хозяйство.

Полученный нами высокий урожай — это не результат каких-то случайностей. Земледельцы Эстонии умело использовали все меры, предпринятые правительством для интенсификации сельского хозяйства. Островной Кингисеппский район, еще недавно печально известный своими бедными каменистыми почвами и низкими урожаями, нынче собрал 28,3 центнера с гектара, почти наступив на пятки самому плодородному в республике Вильяндискому району, где собрано 30,6 центнера с гектара. Урожай поднимался равномерно и ежегодно. Это значит, что в Эстонии нет больше бедных почв, и если в дальнейшем так держать, у нас не будет плохих урожаев.

Язык экономики — это язык цифр. Лаконично и красноречиво рассказывают они о богатстве моей республики — о золотом зерне. Но язык экономики — это не только цифры, это еще и анализ явлений общественной и политической жизни страны. Муза, стоявшая некогда у колыбели нынешнего высокого урожая, была суровой, решительной и мужественной: это переход сельского хозяйства Эстонии на путь крупного производства. Было это в революционные для нас 1948—1950 годы. Тогда и открылась первая и главная возможность для стремительной интенсификации земледелия. Путь был непростым, как бывают обычно непростыми и нелегкими пути первопроходцев. Но, как показали итоги, он был единственно правильным. Большими этапами этого пути были решения пленумов ЦК КПСС — мартовского 1965-го, майского 1966-го, октябрьского 1968-го, июльского 1970-го, решения Третьего Всесоюзного съезда колхозников.

В итоге преобразований в Эстонии вместо 140 тысяч мелких хозяйств возникло 403 крупных. По последним данным статистики, на каждое из них в среднем приходится по 17 специалистов с высшим и средним образованием. К осени 1971 года эти цифры, все время совершенствуясь и изменяясь, вдруг, как в красиво решенной алгебраической задаче, упростились и свелись к одной цифре «2», которую следовало бы напечатать крупным шрифтом: урожаи основных культур в Эстонии теперь в 2 раза выше, чем в мелком производстве до начала второй мировой войны. Может быть, городского жителя не восхитит и даже не удивит эта цифра: социалистической экономике-де, мол, известны и не такие взлеты. Но труженики полей знают и поймут, что это значит — увеличить урожай в 2 раза!

Попробую коротко рассказать, что происходило в эти годы.

В агротехнических лабораториях изучались почвы, и каждое хозяйство получило свою карту полей. Карты показали, что нет одинаковых полей, и даже каждое из них по почвенному составу многообразно, как мозаика. Дело агронома — познать, какой нужен уход каждому элементу этой мозаики. Но было у эстонских полей и нечто общее — их высокая кислотность, особенно на юго-западе и в центре республики. Она убивала жизненную силу зерна. Теперь можно сказать: кислотность ликвидирована. Все нуждающиеся в известковании поля обработаны по первому кругу, и так как процесс этот должен повторяться через каждые пять лет, работа продолжается уже по второму кругу. Одновременно полным ходом идет осушение переувлажненных земель.

Большая помощь республике сказалась прежде всего в том, что быстро улучшалась материально-техническая база сельского хозяйства. Ее среднегодовой прирост составлял 6,3 процента, так что сейчас в Эстонии на каждый трактор в 15-сильном исчислении приходится 34 гектара обрабатываемой земли: это выше общесоюзного уровня. Благодаря машинам сельскохозяйственные работы стали укладываться в правильные агротехнические сроки, а что это значит для урожая, знает нынче каждый пятиклассник.

Трудно сказать, что является самым важным в общем комплексе мер по улучшению земли. Тогда, во второй половине шестидесятых годов, самым важным и главным было накормить истощенную землю. С нескольких заводов СССР идет в Эстонию пища земли, идут хорошие минеральные удобрения. Мы получаем их немало: в общей массе по полтонны удобрений на один гектар обрабатываемой земли — в четыре раза больше, чем в среднем по Союзу. И все же этого мало. Задача предстоящих сельскохозяйственных пятилеток — удвоить количество удобрений.

И еще я назову одно важное условие подъема сельскохозяйственного производства республики: постоянное повышение квалификации всех работников — механизаторов и агрономов, доярок и полеводов, секретарей парткомов и председателей колхозов. Люди эстонской деревни постоянно учатся, и урожай ставит им высокую оценку за знания.

Ну, а как насчет рентабельности? Наши исследования показали, что с увеличением затрат на гектар всех полевых, луговых, овощных и фруктовых культур урожай возрастал быстрее, чем эти затраты: земля — ведь она добрая и благодарная...

В народе справедливо говорят: хлеб всему голова. Но мы применительно к нашей республике должны сделать оговорку: в маленькой по территории Эстонии хлеб не может быть всему голова и ведущей отраслью ее сельского хозяйства будет оставаться мясомолочная. Своего зерна республике не хватает, больше трети ввозится из РСФСР. И если говорить о всесоюзной значимости эстонского урожая последних лет, то самое ценное в нем — это опыт. Республика стала как бы большим опытным полем северо-западной зоны советского земледелия. Отсюда и более высокое, чем в среднем по стране, количество машин, удобрений. Но, кроме капиталовложений, пожалуй, есть еще одна причина хорошего урожая — трудолюбие эстонских земледельцев.

...У себя в институте мы работаем не только экономистами, но и немножко волшебниками: с помощью логики цифр и фактов заглядываем в будущее. И вот что мы видим: пройдут еще две пятилетки, гектары обрабатываемой земли увеличатся на 30 процентов, и будут они приведены в полный порядок. Так что осенью 1985 года каждый гектар эстонских полей даст урожай по 35—40 центнеров зерна с гектара. И я очень хочу, чтобы скорее наступила эта осень...

ПЫЛАЮЩИЕ РУБЕЖИ

О начальных днях Великой Отечественной войны, о людях в зеленых фуражках, наших славных пограничниках, сдерживавших первый удар упоенного легкими победами врага,— новая книга Владимира Беляева «Пылающие рубежи». Создавалась она трудно, потребовала несколько лет напряженного, кропотливейшего поиска, потому что в ней все документально. «Многое я не знаю,— свидетельствует автор,— а выдумывать биографии живших на самом деле людей, которых я называю здесь подлинными именами, я не хочу, чтобы неосторожным домыслом не оскорбить память героев...». Писатель изучал архивные документы, беседовал с местными жителями, встречался с чудом оставшимися в живых участниками тех боев. Каждая застава свято выполняла первейшую заповедь пограничника: «Что бы ни случилось вокруг, священную границу любимой Родины без приказа оставлять нельзя». Пример в этом показывали коммунисты — такие, как командир одной из застав, расположенной над Западным Бугом, Алексей Лопатин. Десять дней бились его бойцы, подбивали фашистские танки. Об удивительной стойкости, мужестве крохотного советского гарнизона знала целая немецкая армия, наступавшая в том районе.

Владимир Беляев рассказывает и о буднях заставы, носящей ныне имя Героя Советского Союза Алексея Лопатина, о том, что там служат два сына героя, пошедшие по стопам отца.

Таких, как Лопатин, было множество. Это политрук Гласов, лейтенант Патарыкин, подполковник Герасим Рубцов, снайпер Иван Левкин, комсомолец Иван Пархоменко, герои известные и безымянные.

Владимиру Беляеву хотелось все показать и «глазами шагавшего оттуда», «прибегнуть и к свидетельству врага, хотя сделать это было не так-то просто». Он решил найти живого гитлеровца из тех отборных немецких частей, что были приготовлены Гитлером для нападения на Советский Союз. От многих из них к концу войны остались только номера. И все-таки писатель отыскал участника вторжения, называвшего себя «счастливцем», оберфельдфебеля Краузе. Он уникум: «участник всей горестной для гитлеровской Германии русской кампании», до этого был в Польше. Что же его поразило? Что советские люди «могут так яростно защищать свою землю». «Нигде, никогда мы не видели такой стойкости, такого воинского упорства... Советского пограничника можно было взять в плен только при двух условиях: когда он был уже мертв или когда его ранило и он находился в тяжелом, бессознательном состоянии... Нам казалось, что стреляет каждое дерево. Потери в лесу были невероятные».

Книга В. Беляева — еще одна страница в священной летописи народной войны.

Михаил ХОДАКОВ

Владимир Беляев. Пылающие рубежи. Издательство ДОСААФ, 1971.

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОН

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

2

В сером и грязном муравейнике, окружающем лондонский вокзал Пэддингтон, в лабиринте запущенных домов, меблированных комнат, дешевых пансионов и унылых заведений, громко именуемых гостиницами, обитает немало людей, скрывающихся в этих трущобах вместе со своим прошлым. Здесь редко задают вопросы и еще реже отвечают на них.

На двери в квартиру, расположенную в подвальном этаже ветхого домишки, висела табличка: «Дивере Корт». Дверь вела в комнату, обставленную лучше, чем можно было ожидать от такого убогого жилья. В комнате, то и дело посматривая на дверь, сидел и курил худой, бледный человек с двумя давними дуэльными шрамами на левой щеке. Был ранний вечер, но плотная занавесь на окне преграждала доступ в подвал все еще ярким лучам летнего солнца.

Человек взглянул на часы: время подходило к девяти. В дверь постучали.

— Кто там? — спросил человек и, услышав односложный ответ, открыл дверь. В комнату вошли трое, чем-то похожие на преуспевающих бизнесменов, в одинаковых, хорошо сшитых темно-серых костюмах и черных ботинках. По приглашению хозяина все трое сели, а сам он подошел к радиоприемнику и усилил звук.

— Вы, конечно, уже слышали новости? — понемецки обратился он к гостям.

— Да,— ответил полный, круглолицый человек.— Новости, надо сказать, неважные. Каппелман находится в больнице в Лиме. Очень жаль.

— Ну, хоть жив, и то хорошо. Я посылал телеграмму в Санта-Розу, и мне ответили, что серьезной опасности нет. Индейцы доставили его без сознания — последствия укуса паука или змеи. Перед отправкой на самолете в Лиму Каппелмана осматривал врач — по его словам, через несколько дней он поправится.

— Ну и дальше?

— Я собирался поручить одному из наших агентов в Рио вылететь в Лиму, но мне приказано лететь самому. Я должен убедиться, что в обломках самолета ничего не осталось, а потом замещать Каппелмана, пока он не сможет приступить к работе.

— Но самолет еще не найден?

— Нет. На это потребуется немало времени, а может случиться и так, что обломков вообще не найдут.

— А что известно о документах, которые должен был доставить Каппелман?

— В докладе лишь сообщается, что Каппелман жив, и ни слова не говорится о документах. При нем были его паспорт и портфель.

— Значит, и документы удалось спасти?

— Надо полагать.

Все трое с облегчением вздохнули.

— Надеюсь, Каппелман был достаточно осторожен,— заметил один из них.— Я не раз говорил ему, как опасно возить с собой документы. Надо запоминать содержание — лично у меня такое правило.

— Вот и отлично. Что касается Каппелмана... Я знаю, он человек осторожный. Итак, я уезжаю, но во время моего отсутствия все должно идти, как обычно. Буду информировать вас обо всем, что узнаю. Если Каппелман вообще не сможет возобновить работу, Центру придется назначить нового человека. Но, думаю, с Каппелманом все будет в порядке — человек он закаленный, не всякий бы на его месте выдержал такое испытание в джунглях.

Корт поднялся, и гости поняли, что беседа окончена. Один за другим, с интервалами в несколько минут, они покинули комнату, и никто не обратил внимания на трех весьма солидных мужчин, выходивших из какого-то совсем несолидного подвала. Никто их не знал, и никого они не интересовали. Через час Корт закрыл квартиру на замок и отправился в аэропорт. И этого тоже никто не знал, это тоже никого не интересовало, разве что молочника — тот прочел записку с отказом от молока и обрадовался: теперь ему не придется ежедневно спускаться в подвал и подниматься оттуда.

Перед тем как сесть в самолет, улетавший в Южную Америку, Корт разослал в разные места телеграммы совершенно одинакового содержания: «Дивере корт находится в Лиме».

Только одному телеграфисту эта телеграмма показалась странной.

— Кто-то, видимо, совсем спятил,— обратился он к своему коллеге.— Насколько мне известно, дом с таким названием находится в Лондоне, в районе Стренда, а вовсе не в Лиме.

— Возможно. Но я знаю, что моя квартира находится в Клефеме, и чем скорее мы разделаемся с этими проклятыми телеграммами, тем скорее я попаду домой и смогу посмотреть телевидение... Что там у нас дальше?..

Ратман чувствовал, что ему скучно. Он только что интервьюировал молодую, глупо улыбающуюся американскую киноактрису, прилетевшую в Лиму на съемки фильма, действие которого происходит в джунглях. Актриса, уже мнившая себя звездой, с удивлением узнала, что Лима — современный город и что здесь не бродят толпы древних инков во главе со своими вождями. Ее познания в области географии и истории были весьма смутными. После того, как она наконец укатила из аэропорта в предоставленном кинофирмой «кадиллаке», Ратман заказал кружку пива и принялся размышлять, почему он не занялся разведением кур в своем родном Сент-Поле или не продолжил работу над романом, первую главу которого он написал давным-давно. Он попытался убедить себя, что в Сент-Поле слишком холодно, а его роман получился бы настолько разоблачительным, что ни одно издательство не рискнуло бы его напечатать. Погруженный в свои мысли, Ратман все же заметил, как из прибывшего самолета выгрузили на носилках больного.

«Еще один бедняга-нефтяник»,— подумал он; Ратман знал, что здесь, в Лиме, такие сцены можно наблюдать чуть не каждый день. Он не спеша подошел к поджидавшей больного санитарной машине. Ее водитель оказался человеком разговорчивым и, хотя фамилии пациента назвать не мог, все же сообщил название частной лечебницы, в которой работал.

— Значит, ваш пациент — человек богатый? — заметил Ратман.

— И почти мертвый,— сплюнул водитель.

Ратман решил побеседовать с больным, но, когда поднесли носилки и он хотел подойти, его остановил плотный, высокий человек.

— Прочь с дороги! — крикнул он.

Ратман усмехнулся: его не впервые встречали подобным образом. Он протянул высокому журналистскую карточку, но тот грубо оттолкнул ее огромной ручищей.

— Что ж, пожалуйста,— спокойно сказал Ратман.— Все равно я узнаю, что мне нужно, и не забуду упомянуть в заметке о любезности... охранников.

— Извините, сеньор...— заговорила сопровождавшая носилки медицинская сестра.

— Моя фамилия Ратман.

— Извините, сеньор Ратман. Видите ли, мой пациент очень болен, и мы спешим...

— Его фамилия?

— Но он не частное лицо, сеньор!

— Теперь он просто больной. Как его фамилия?

— Каппелман. Сеньор Каппелман.

— Каппелман... Каппелман... Чем он заслужил такое внимание? Он богат? Кто он? Откуда? Что с ним?

— Извините, но мы торопимся, я же сказала, что мой пациент в тяжелом состоянии. Но если уж вы так интересуетесь, он страдает от истощения и, по-моему, от укуса ядовитого паука. Кроме того...

— Вспомнил! — воскликнул Ратман.— Фамилия «Каппелман» фигурировала в списке пассажиров самолета, потерпевшего катастрофу в прошлом месяце. Скажите, а еще кто-нибудь спасся, кроме него?

Высокий мужчина помог поставить носилки в машину. Медсестра, видимо, хотела что-то сказать, но передумала.

— Извините, сеньор,— повторила она,— я должна быть с больным.

Она села в машину, дверцы со стуком захлопнулись, взревел мотор, и машина умчалась.

Несомненно, думал Ратман, продолжая стоять на том же месте, о Каппелмане можно написать интересный очерк. Он даже представил себе, как его построить: описание катастрофы, кошмарные скитания по джунглям, голод, опасности... Да и с катастрофой не все ясно. Случайно ли она произошла? И если не случайно, кто ее подстроил и для чего? Как бы то ни было, надо побольше разузнать о Каппелмане.

Продолжение. См. «Огонек» № 5.

И помочь ему в этом может не кто иной, как Хосе.

Ратман отыскал на стоянке свой старенький «форд» и направился к центру города. Рассеянно управляя машиной, он размышлял все о том же, над чем не раз задумывался и раньше: что удерживает его в этом красивом, но отрезанном от всего света городе? Ему, конечно, нравился этот субтропический климат, но все же здешнюю зиму с ее холодными туманами он переносил плохо. Он мог бы переселиться и на другой край материка, скажем, в Рио или в Буэнос-Айрес, но продолжал жить в Лиме — может быть, потому, что неторопливая, размеренная жизнь этого южного города представляла такой контраст с вечной сутолокой и суматохой Нью-Йорка, где Ратман работал репортером в одной небольшой газете. Возможно, думал он, это объясняется и тем, что в нем уже мало что осталось от американца. Встречая на улицах Лимы заезжих соотечественников, он искренне возмущался их наглостью и шумливостью.

Ратман улыбнулся и вслух (благо, его никто не слышал) сказал:

— Не обманывай самого себя, старина! Ты живешь в Лиме потому, что у тебя не хватает ни сил, ни решимости вести в Штатах непрерывную, изнурительную борьбу за существование. А здесь ты зарабатываешь вполне достаточно, чтобы сытно питаться, в меру выпивать и время от времени встречаться с хорошенькой женщиной...

И все же иногда он начинал тосковать по Нью-Йорку, особенно когда там открывался бейсбольный сезон. Правда, в Лиме он не раз посещал корриду и в какой-то мере привык к варварскому зрелищу убийства беззащитных животных, но этому сомнительному развлечению он охотно предпочел бы бейсбол, где шансы сторон равны.

Мысли Ратмана вернулись к Хосе. Они познакомились после одного из тех драматических эпизодов, которыми была так бедна его семилетняя жизнь в Лиме. Ратман только что вышел из клуба на одной из улочек около Плаза де Армас, как услышал приближающийся топот. Почти тотчас мимо него промчалась фигурка маленького человека, преследуемого четырьмя людьми. Беглец поскользнулся и упал, и неизвестные принялись его избивать. Четверо на одного... Подобная несправедливость возмутила Ратмана, и он, не раздумывая, набросился на преследователей. К его удивлению, они тут же обратились в бегство, не успев прикончить ножами свою жертву, хотя — Ратман не сомневался в этом — именно такой финал и увенчал бы разыгравшуюся на его глазах сцену. Лишь позже он сообразил, в чем была причина столь поспешного отступления противника. Цвет его лица! Одно дело для индейца напасть на такого же индейца или на креола, как Хосе, и совсем другое — связываться с этими проклятыми американо, с этими гринго.

Ратман помог беглецу подняться. Так он впервые увидел Хосе в его истрепанном сомбреро и с неизменной сигаретой-самокруткой во рту. Даже сейчас, когда смерть лишь случайно обошла Хосе стороной, с его губы свисал тлеющий окурок.

Хосе похлопал себя по штанам, отряхивая пыль, и взглянул на Ратмана. Его темно-карие глаза блеснули в свете уличного фонаря, и Ратману показалось, что в них все еще таится страх.

— Спасибо, сеньор, я обязан вам жизнью.

— В таком случае это надо отпраздновать, пойдем чего-нибудь выпьем,— ответил Ратман, чувствуя себя несколько смущенным этой благодарностью.

— Хорошо, сеньор... сеньор...

— Ратман.

Хосе несколько раз повторил фамилию, словно хотел твердо запомнить ее.

— Меня зовут Хосе,— сообщил он.

— Хосе? А фамилия?

— Просто Хосе. В Лиме меня все знают.

— Но вот я же не знал.

— Значит, вы живете не в Лиме.

— Ошибаешься. Живу.

— Значит, только с сегодняшнего дня можете считать себя настоящим жителем Лимы. Завтра... нет, сегодня же я всем сообщу: «У нас теперь живет сеньор Ратман. Хоть он и гринго, но мой большой друг, потому что спас мне жизнь». Может быть, случится так, что и я сумею вам помочь... А теперь я готов пойти с вами выпить.

Хосе привел его в небольшой ювелирный магазинчик на Хирон де ла Юнион. Ратман и раньше видел этот магазин, но никогда в него не заходил, поскольку не испытывал никакой необходимости да и не располагал деньгами, чтобы приобретать драгоценности. На вывеске над дверью было написано: «Альвар». Магазин еще не закрылся, и они вошли. Их встретил полный курчавый человек.

— Хосе! Наконец-то!

— Привет, Гидо. Знакомься — мой друг сеньор Ратман. На меня только что было совершено нападение...

Гидо заволновался.

— Но все окончилось благополучно. Вот...— Хосе вручил Гидо небольшой мешочек.

Искоса взглянув на Ратмана, Гидо унес мешочек в комнату. До Ратмана донесся глухой стук закрываемой дверцы сейфа. Гидо через минуту вернулся, и теперь на его лице сияла улыбка.

— Приветствую вас, сеньор Ратман!

— Немедленно вина, Гидо, надо отпраздновать такой случай. Сеньор Ратман спас меня, рискуя своей жизнью.

— Сию же минуту и самого лучшего! — воскликнул Гидо.— Идемте.

Он провел их в крохотную, похожую на кладовую каморку, пропитанную резким запахом кожи и сырого дерева. Высоко в стене виднелось окошечко, никогда, по-видимому, не открывавшееся. Гидо принес вина, они выпили по стакану, и Ратман стал прощаться.

— Я должен покинуть вас, сеньоры, завтра мне предстоит трудный день.

Хосе и Гидо встали и поклонились, и Ратман уехал домой. Он решил, что на том его зна-

комство с Хосе и окончилось, но вскоре выяснилось, что он ошибался. Если у него возникали какие-нибудь затруднения, Хосе словно чудом узнавал о них и приходил на помощь. Одним словом, он щедро выплачивал долг, и Ратман, убедившись, что Хосе располагает самыми разнообразными связями, все чаще обращался к нему, когда появлялась необходимость. Вот и сейчас он решил, что Хосе поможет ему раздобыть какую-нибудь информацию о Каппелмане.

Подъехав к Плаза Сан-Мартин, Ратман вышел из машины и отправился в кафе «Анды», расположенное в крохотном тупике, куда никогда не заглядывали туристы.

Как он и предполагал, Хосе сидел там за чашкой кофе.

— Привет, Хосе. Мне нужна твоя помощь.

— Слушаю, сеньор.

— В аэропорт только что доставлен человек — по-моему, единственный, кто уцелел во время последней авиационной катастрофы в джунглях.

— Слышал,— отозвался Хосе, затягиваясь сигаретой.— Он сейчас в «Санта-Розе». Мне об этом рассказала сестра.

Ратман не удивился: он давно уже отказался от попыток сосчитать всех сестер, братьев, теток и дядей своего друга, и иногда думал, что вряд ли в Лиме найдется кафе, особняк, клуб, муниципальное учреждение, где у Хосе не нашлось бы «родственника».

— Фамилия его Каппелман. Впрочем, ты же, конечно, знаешь.

— Вам нужны сведения о нем?

— Да.

— Постараюсь, но дело не простое. Его хорошо охраняют. По-моему, это важный человек.

— Важный?

— Похоже.

— Ну, тебе лучше знать.

— Вот я допиваю свой кофе и ухожу. Через день-другой вы получите все, что вам надо.— Он нахлобучил сомбреро и поднялся со стула.— Кофе сеньору,— распорядился он, хотя в этом не было необходимости: владелец знал, что Ратман — друг Хосе, и уже нес ему дымящуюся чашку.

— Адиос, сеньор,— попрощался Хосе и вышел.

Ратман присел за столик, наскоро выпил кофе и направился к телефону, решив позвонить в «Санта-Розу». Он не сомневался, что случай послал ему тему для интересной корреспонденции. «Это вам не очередной нефтяник или исследователь бассейна реки Амазонки!» — с удовлетворением подумал он. Об искателях «черного золота» и так называемых исследователях он исписал уже горы бумаги. Эта публика, едва ступив в джунгли, уже спешила вернуться в лоно цивилизации, чтобы сочинять глупейшие книги о своих «приключениях». Иногда Ратман в шутку спрашивал себя, почему индейцам не приходит в голову потребовать с этих писак часть гонорара...

3

В те короткие минуты, когда Рид приходил в себя, он отдавал себе отчет, что находится в маленькой больничной палате — тихой, уединенной, пропитанной запахами всевозможных лекарств. Но потом снова начинался бред, и ему уже казалось, что он несется в каноэ по бурному мрачному потоку и его неотступно преследует рев бегущих за ним обезьян. Иногда сознание возвращалось к нему ранним вечером, и он ясно видел, как в палату входила молчаливая, спокойная сиделка, оправляла простыни, подносила к его губам стакан с освежающим напитком. Но часто бредовые видения не покидали его весь день, и тогда он особенно страдал: мириады москитов со злобным жужжанием роились над его головой, потом вдруг опускались на него подобно толстому живому одеялу и принимались яростно жалить. Какое-то мгновение он снова понимал все происходящее, чувствовал, как врач осматривает его язык и место укуса на левой ноге, однако почти тут же видел себя плывущим по реке — то медленной и гладкой, словно зеркало, то в бешенстве налетающей на острые камни порогов и швыряющей ему в лицо брызги белой пены...

Но все имеет свой конец. Однажды утром, зайдя по обыкновению в палату, сиделка уловила на себе его осмысленный взгляд.

— Где я? — спросил Рид.

Женщина что-то быстро ответила по-испански. Рид отрицательно покачал головой. Сиделка в нерешительности помолчала, потом медленно произнесла:

— Вы в частной лечебнице в Лиме, сеньор Каппелман.

— Моя фамилия Рид,— нахмурился он.

— Очень хорошо, сеньор Р и д,— улыбаясь и делая ударение на этом слове, ответила сиделка.— Постараюсь не забыть.

Рид с трудом сел.

— Сколько времени я уже здесь? — заговорил было он, но сиделка жестом остановила его.

— Вам нельзя волноваться. После аварии самолета вас нашли индейцы и на лодке доставили в ближайшую миссию, где оказалась радиостанция. Это было в... Уж эти мне населенные пункты в джунглях! У них такие трудные названия, невозможно запомнить... Одним словом, сюда вас перевезли на самолете. Вы были очень плохи, и нас заранее предупредили о вашем приезде.

Рид помолчал, собираясь с мыслями.

— А Розеллу кто-нибудь ищет? — спросил он.

— Розеллу?

— Да, да, Розеллу. Стюардессу.

— Не могу сказать.

— Но кто-нибудь намерен отправиться к месту катастрофы?

Женщина пожала плечами.

— Я всего лишь сиделка, сеньор. У меня одна забота — помочь вам скорее поправиться. Поисками самолета займутся, очевидно, другие.

— Ну хорошо. А где портфель Каппелмана?

— Каппелмана? — улыбнулась сиделка. — Вот.

Она достала из шкафчика и передала Риду портфель. Он сразу обратил внимание, что когда-то хорошо отполированная кожа была поцарапана, покрыта пятнами и отдавала неприятным запахом, а металлические части заржавели. Женщина хотела положить портфель на постель, но Рид оттолкнул его, и она поняла, что ему неприятно его видеть.

— Поспите, сеньор,— посоветовала она,— а потом займетесь делами.

Она напоила Рида, он откинулся на подушку и закрыл глаза. Сиделка положила портфель в шкафчик. Некоторое время она смотрела на него, ощущая характерный для джунглей запах гниения, к которому примешивался — она сумела это уловить — тонкий аромат хороших французских духов. Сиделка взглянула на своего пациента: тот крепко спал. Она открыла портфель — сверху лежал жакет. «Розелла!» — вспомнила сиделка, закрыла портфель и поспешно вышла из палаты.

Хосе жил в крохотной хижине, прилепившейся к вершине горы, в самом центре трущоб Лимы. Соломенный тюфяк, с которого только что поднялся владелец хижины, ящик из-под чая, заменявший стол, да единственная табуретка составляли всю обстановку убогого жилища.

Было уже три часа дня, и сиеста закончилась. Хосе выпил глоток вина, вытер ладонью губы и по сухой в это время года сточной канаве, заменявшей тропинку, отправился вниз.

После долгой тряски в трамвае он добрался до Плаза Сан-Мартин, отыскал одно из кафе, расположенное на открытом воздухе, и уселся за столик. Вскоре около него появился уличный фотограф. Хосе поднялся, принял соответствующую позу и через некоторое время получил готовую фотографию. Отпивая кофе, он внимательно рассматривал план, набросанный на оборотной стороне фотоснимка. Покинув кафе, Хосе направился к Хирон де ла Юнион и здесь, на небольшой оживленной улице, остановился у витрины ювелирного магазина. Он зашел внутрь лишь после того, как заметивший его владелец магазина знаком дал понять, что опасности нет. Часов шесть спустя подержанный «бьюик» вез Хосе в Мирафлорес.

Регистраторша больницы никак не могла понять, почему нужно зачеркнуть в журнале так красиво и аккуратно написанную ее рукой фамилию «Каппелман» и вместо нее вписать «Рид».

— Зачем? — ворчливо спрашивала она.— Он же Каппелман. Вот взгляни...

Она достала из сейфа паспорт и с раздражением бросила на стол.

— Да, но больной настаивает на этом и заявляет, что он не будет отзываться на фамилию Каппелман,— пожала плечами сиделка.

— Да неужели?! — Регистраторшу страшно заинтересовала эта история, поскольку до последнего времени среди пациентов больницы преобладали древние старухи или выжившие из ума старики.— У него, наверно, неудачный роман, а?

— Чего не знаю, того не знаю.

— Но здесь непременно должна быть замешана женщина! Да, да. Значит, герр Каппелман становится сеньором Ридом? Рид... Он, очевидно, американо?

— Возможно. Но, возможно, англичанин.

— Американец, американец! Наша лечебница рассчитана на очень богатых людей. Он обязательно американец и обязательно богатый.

Сиделка пожала плечами. Национальность больного ее не интересовала.

— Жаль только, что он такой полный. Ну, ничего. Все равно ты, может, выйдешь за него замуж и будешь жить в американском дворце.

— Что, что?

— Я сказала, что ты, возможно, выйдешь за него замуж.

— А что ты сказала до этого?

— Просто так, ворчала.

— Нет, я спрашиваю, что ты имела в виду, когда говорила: «Жаль, что он такой полный»?

— Вот это.— И регистраторша щелкнула по наклеенной в паспорте фотокарточке.

Сиделка взглянула на снимок, и на ее лице отразилось удивление. Она перевела взгляд на приятельницу, чуть помедлила и решительно заявила:

— Мне надо идти.

— Но я же пошутила насчет замужества,— попыталась остановить ее регистраторша, но женщины уже и след простыл.— Ну и уходи. Воображает тоже...

Она положила паспорт в сейф, выдвинула ящик стола и вновь склонилась над журналом, который читала до этого.

Между тем сиделка не теряла времени. Она влетела в палату Рида и зажгла свет. Рид спал. Сиделка встряхнула его, и он медленно открыл глаза.

— Это что еще за чертовщина...— начал было он, но, увидев женщину, извинился.

— Сеньор!

— Да?

— Как ваша фамилия?

— Рид.

— А не Каппелман?

— Нет. Мы уже говорили сегодня на эту тему.

— Почему вы выдаете себя за герра Каппелмана?

— Ни за кого я себя не выдаю. Моя фамилия Рид. Каппелман мертв. Его убили.

Сиделка взяла из шкафчика портфель.

— А это чье? — спросила она, вынимая из него жакет.

— Розеллы.

— И вы хотите сказать, что она тоже убита?

— Возможно.

— Не очень-то умело вы лжете, сеньор,— усмехнулась женщина.— На жакете ни капли крови.

— Индейцы так крепко схватили меня, когда Каппелман выстрелил в них, что я потерял сознание, а когда пришел в себя, нашел на земле этот жакет и сунул в портфель.

— Знаете что, сеньор? Придется мне доложить обо всем этом сестре-хозяйке.

— Докладывайте. А теперь, быть может, вы позволите мне уснуть?

— А мне-то казалось, что вам должно быть совсем не до сна!

— Почему же?

— Да потому...— Сиделка умолкла и вдруг спросила: — Розелла была хорошенькая?

Рид кивнул.

— Может, слишком хорошенькая?

— Что вы хотите сказать? — удивленно спросил Рид, но сиделка молча направилась к двери.

Оставшись один и посматривая на портфель, Рид начал понимать, о чем шла речь, и его бросило в жар.

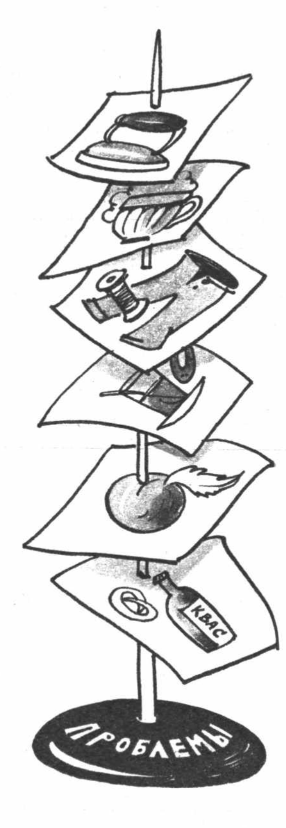
Продолжение следует.

Перевел с английского Ан. Горский.

ГДЕ МНЕ НАЙТИ ТАКУЮ БАНЮ?..

Я вот почему пишу. На днях знакомого встретил.

— Как живешь?

— Спасибо. Все нормально, только вот потребности растут.

— Так это закономерно!

— Да, но когда они не полностью удовлетворяются, это уже хуже,— вздохнул он.— Не могу, понимаешь, без бани. К концу недели уже представляю, как открываю дверь в парилку, под веник ложусь... Блаженствую в ожидании. А потом, как задумаешься, в какую же баню пойти, тут настроение и портится...

— Неужто трудно выбрать?

— Видишь, когда во всех банях одинаковые условия были, и выбирать не приходилось. А сейчас, когда добрые услуги появились, дело по-другому обстоит. Поди выбери. С одной стороны, тянет в четвертую баню, потому что там, пока моешься, тебе белье выстирают, могут и погладить. Но с культурой обслуживания там не ладится. Даже гардероба для верхней одежды нету. И время работы неудачное — только в субботу и воскресенье с восьми утра, а то с двенадцати дня — ни то ни се. В первой бане культура высокая, гардероб есть, время подходящее, однако чайком после парилки не побалуешься, а чай в такой момент не только моя слабость. В третьей самоварчик ставят, но белье в стирку не отдашь... У меня же запросы выросли, хочу, чтобы и в удобное время, и культурно, и с чаем. Написал бы ты про это, а?!.

Вот я и пишу. Действительно, в Минске с банями неважно дело обстоит, хоть их за эти годы прибавилось. Впрочем, и со строительством еще не все гладко. В новых микрорайонах, например, на Зеленом Луге, на Раковском шоссе, в Кижовке, ни одной бани не построено, их и в проектах нет. Кстати, с реконструкцией также скверно. На улице Бядули скоро год, как баню закрыли, а средств на реконструкцию даже еще на треть не освоили. Такой же, чтоб по культуре в современность вписалась, ни одной нет. В какую ни пойдешь — в чем-нибудь удовольствие да урежут. И не потому, что условия не позволяют (хотя они, конечно, влияют, особенно в очень старых постройках), а больше потому, что отношение к людям, жаждущим легкого пара, безразличное. Главное — оборот посадочных мест, прибыль, а потом уже все остальное. А остальное для посетителя как раз и дороже всего, хотя он, разумеется, не против плана, помогает его выполнять и за отличное обслуживание готов платить дополнительно. Только обслуживайте!

В бане номер один сломались автоматы, торгующие газировкой. Как свидетельствует заменяющая директора Елена Андреевна Терешко, сломались они больше года назад. Так с тех пор те автоматы и стоят с пересохшими кранами.

А чай? Неужели трудно держать шумящий по графику самовар в самой парилке, а не только в раздевалке? Говорят: «Хлопотно!» Квас, например, если завозят в несколько месяцев раз, тут уж будто чудо свершилось великое. Все больше пивом угощают, а чтобы испечь к пиву соломку соленую, ни-ни... Яблок тут в буфете ни за какие деньги не купишь.

А уж веники изготавливают по принципу вала. Ошпарь такой веник кипятком перед употреблением — осыпается весь и годится потом разве только на то, чтобы шалунов пороть, а поскольку это теперь педагогикой не одобряется, значит, и на такое дело не используешь...

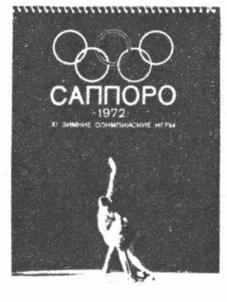
Словом, «банный уровень» здесь далек от современных требований. А любителей баньки между тем меньше не становится, хотя все больше и больше ванн в квартирах.

...Многое можно еще нашему горисполкому по этому поводу сказать, да хватит, пожалуй...

А. ЩЕРБАКОВ

Минск.

РЯДОМ С НАМИ ЗНАТОКИ

Олимпийские игры, соревнование широчайшего размаха, вызывают огромный интерес у любителей спорта. Их волнует все: и яркая, насыщенная множеством интереснейших фактов история олимпиад, и достижения самих олимпийцев, и просто программа Игр по всем дням. Не так-то просто зрителю (а телевидение безгранично расширило трибуны олимпийских стадионов) подготовиться к предстоящему заманчивому зрелищу. Здесь каждый нуждается в заботливой помощи гида-знатока, и издательство «Физкультура и спорт» вовремя позаботилось о том, чтобы рядом с каждым любителем спорта оказался такой знаток, выпустив разнообразную справочную литературу. Тут и «500 вопросов и ответов об олимпийских играх», написанные журналистом Б. Хавиным, и состав олимпийской команды СССР в Саппоро, и настольный календарь с полной программой Белой олимпиады по часам и дням. Если Б. Хавин рассказывает нам и об истории древних олимпиад и об истории отдельных видов спорта как на летних, так и на зимних играх, то в двух других вышеназванных изданиях решается задача более локальная: нас знакомят со спортивной биографией всех членов советской команды в Саппоро, а настенный, нарядно оформленный календарь помогает нам вовремя узнать, на каких спортивных аренах идет сегодня борьба на Белой олимпиаде.

В. ВИКТОРОВ

А. ЗАХАРОВ,
полковник,
заместитель начальника
отдела МВД СССР,
Н. ЗАЕВСКАЯ,
экономист

„ФИРМЫ" НА ПЕСКЕ

Несколько лет назад в Новосибирске, в Академгородке, появился «Факел», и сразу вокруг него запылали страсти. Впрочем, нет, страсти предполагают определенный конфликт. Здесь конфликта не было, ибо «Факел» пришелся ко двору. И в самом деле, разве не звучит: группа энтузиастов хочет помочь науке скорее дойти до производства!

Работа закипела, а потом все... лопнуло. «Факел» погасили. Вот тогда-то и закипели по-настоящему страсти. Научные и журналистские. Некоторые газеты отдавали им целые полосы. Да и сейчас продолжают вести «кампанию».

Тем читателям, которые не в курсе «факельных» дел, мы вкратце расскажем, что это такое. Небольшая группа энтузиастов из новосибирского Академгородка берет подряды на выполнение научно-исследовательских и конструкторских работ, заключая хозяйственные договоры с различными предприятиями и учреждениями. Затем за определенную плату из академических институтов городка приглашаются научные сотрудники для выполнения этих работ. Во внеурочное время. Прекрасно? Да, если бы...

И тут начинается почти детективный сюжет. Заказчики «Факела» — чаще всего академические институты. Исполнители — работники этих же академических институтов! Дальше — больше. Работа для «Факела» выполняется научными сотрудниками в стенах своих же институтов с использованием здешней материально-технической базы. Все, что требуется для дела — материалы, оборудование, приборы,— предоставляется бесплатно. Нет, нет, будем точны: за трехлетнее существование «Факела» при выполненных им работах на несколько миллионов рублей институтам тоже кое-что перепало за их же собственные материалы и оборудование — что-то около семи тысяч.

Значит, одним — вершки, другим — корешки, одним — «Факелу» — доход, другим — институтам — расход.

А как же с «внеурочным временем»? Не сходятся тут концы с концами, потому что режим работы кабинетов, лабораторий, мастерских и вычислительного центра исключал возможность выполнения заказов «Факела» за пределами 8-часового рабочего дня.

Многие из постоянных сотрудников «Факела» на общественных началах числились... сразу в трех организациях: в двух институтах и «Факеле» или в академическом институте, «Факеле» и Новосибирском университете. Так как же быть с «внеурочным временем»? Где оно? За одну и ту же работу получали двойную зарплату.

Естественно, такая практика наносила ущерб государственным интересам, и было решено прекратить деятельность «Факела».

И закипел бой. Одним из первых, кто встал на защиту «Факела», был заместитель директора Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР кандидат экономических наук В. Можин. Его точка зрения: «Факел» — явление новое и прогрессивное, и кто против «Факела», тот против технического прогресса. Главный тезис Можина: «Факел» занимается внедрением научно-исследовательских работ. Следовательно, вывод такой: кроме «Факела», этим делом некому заниматься. Можин убежден, что предприятия очень заняты выполнением своих планов и им не до науки (?!), а научно-исследовательским институтам не до хлопотливых дел, связанных с внедрением законченных научных исследований,— это-де приведет к потере темпа научного поиска. (Позвольте, а как эти же самые ученые выполняли работы для «Факела»?) Понимая зыбкость такой позиции, В. Можин заявляет: работая над заказами «Факела», научные сотрудники «повышают использование своего научного потенциала». Вот и разберись в этих двух совершенно противоположных утверждениях в защиту фирмы. Но суть ясна: и в том и в другом случае речь идет об одних и тех же сотрудниках. Некоторые из них успевали выполнять только поручения «Факела», тогда как их основная работа страдала. А зарплата между тем шла...

Как бы то ни было, но факт неоспорим: «Факел» служил источником дополнительных доходов.

Мы не против дополнительной оплаты за дополнительный труд. Почему бы, скажем, тому или иному институту, учитывая возможности своего коллектива, не выполнять наряду с государственным планом и хоздоговорные работы? Почему бы не кооперироваться с другими институтами? Кто этому мешает? Но при чем здесь «Факел»? Для чего ходить с черного хода, когда распахнута парадная дверь?

Такая же фирма, как и «Факел», существует в Северодонецке, и называется она столь же претенциозно — «Поиск». Возникла эта фирма солидно, со специально разработанным положением, в котором было записано, что «научно-производственное объединение «Поиск» имеет своей задачей привлечение молодежи к активной научной и хозяйственной деятельности, способствование укреплению внедрения новейших достижений науки и техники в производство и использование дополнительных резервов повышения производительности труда на предприятиях и в организациях города».

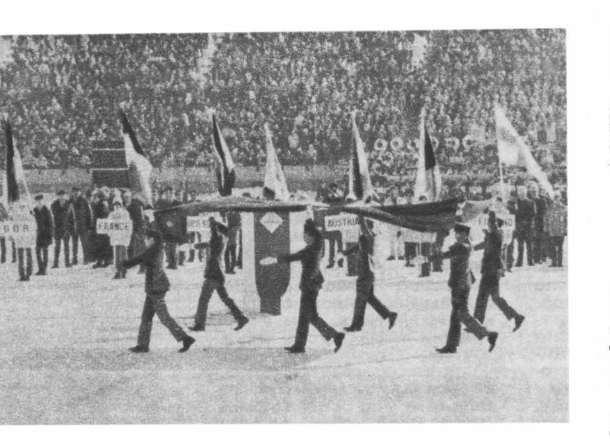
Между тем никакого объединения не было. Было несколько пробивных людей и неуемное их желание залезать все чаще и чаще в государственный карман и брать оттуда не рубли и копейки, а десятки тысяч рублей.

За период своего существования (немногим более года) «Поиск» заключил сделки на 300 тысяч рублей. Фирмой заправляли главным образом руководящие деятели отраслевых научно-исследовательских институтов и ОКБА — Есаулов, Райзман, Мясников, Розенцвейг, Мищенко, Медведев, Лазарев, Мирошниченко, Агеев.

«Многостаночники» от науки придумали целую систему обогащения за счет государства. Система состояла в том, что большинство заданий «Поиска» исходило из институтов, где работали руководители фирмы, и выполнялись они в основном в тех же коллективах, которые их заказывали. Это был доходный бумеранг.

Цену за работу фирма назначала без учета затрат общественно необходимого труда, пренебрегая элементарными требованиями политэкономии. Действовали «стимулы» особого рода: одному нужно было заплатить за работу, другому—за то, что не заметит в своем цеху эту работу, третьему — за то, что ловко спишет материалы на какой-то заказ, ничего общего не имеющий с заказом фирмы дельцов. За каждый свой шаг руководители «Поиска» требовали вознаграждений. Выполняя главным об-

---

Этот снимок сделан во время предолимпийской недели в Саппоро. И вот 3 февраля снова заполнились трибуны олимпийского стадиона, и спортивные делегации 35 стран выстроились перед зрителями.

Фото Киодо — ТАСС.

БЕЛОЕ НЕБО, БЕЛАЯ ЗЕМЛЯ — ГОЛУБОЙ САППОРО

А. КУЛЕШОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Столицы Белых олимпиад... Чем-то они всегда похожи друг на друга: белая земля, горные силуэты на горизонте. И все же Саппоро, столица XI Белой олимпиады, имеет свои неповторимые черты. Здесь главный цвет — голубой.

Лучшие японские модельеры создавали эскизы платья для обслуживающего персонала Олимпиады. Было представлено 44 эскиза, которые должны были отвечать ста шести требованиям (цвет, прочность, фасон и т. д.). Из этих эскизов отобрали 23, затем 13. Японцы, как известно, великие мастера составления букетов. В данном случае букетом для них стали костюмы, созданные для 10 тысяч работников оргкомитета службы безопасности спортивных трасс, переводчиков, мотоциклистов, подносчиков медалей, знаменосцев и многих других.

Главный цвет Саппоро, как мы уже сказали, голубой, все остальные цвета должны гармонировать с ним. И вот в голубом — хористы, музыканты, носители транспарантов с названием стран — участниц Олимпиады, в белом — стюардессы (которых здесь называют «компаньонками»), факелоносцы. Всех не перечесть, а вот те, кто участвует в церемониале награждения, будут одеты в черные костюмы. Ну что же, черный цвет в Японии — цвет радости, а радости Саппоро обещает много. И не только призерам, их-то в конце концов может быть не больше 230. Просто Олимпийские игры — это праздник. А праздник — это радость и для спортсменов, и для тренеров, и для зрителей, которых наберется чуть не столько же, сколько жителей города, и для журналистов, число которых грозит перевалить за четыре тысячи (рекордная цифра, насколько я помню, для зимних Олимпийских игр).

Конечно, будут в Саппоро и огорчения, но зачем думать о них в этом сверкающем мире красок, льда, снега, улыбок и музыки? От победы на играх никто не откажется, и все же главное, как провозгласил еще Пьер Кубертен, не победа, а участие. И вот те, кто приехал участвовать,— две с половиной тысячи, расселились в олимпийской деревне: в пятиэтажных домах — мужчины, в одиннадцатиэтажных — женщины.

Деревня вполне комфортабельна. Потолки, правда, низковаты — два метра тридцать сантиметров, но в конце концов ведь баскетбол в программу Белых олимпиад не входит. Если высота потолков скромна, то зато на высоте олимпийские меню. Их, как обычно, четыре: европейское, американское, скандинавское и азиатское. А качество еды обеспечивают 130 лучших поваров города под руководством главного кулинара

разом организаторские функции, они получали огромные суммы за... научное руководство. «Общественник» Райзман три раза ходил в банк за деньгами — гоните 80 рублей «за ведение учета кассово-банковских операций», хотя в это время он прогуливал на своей основной работе. Переписал Райзман в своем институте, а может, и в другом некоторые положения, касающиеся делопроизводства, премиальной системы и договорной практики,— платите 730 рублей за «разработку» инструкций. Потребовались Райзману данные, чтобы пыль пустить в глаза, и он платит трем работникам института 680 рублей за «расчет» экономической эффективности по шести темам стоимостью 70 тысяч рублей, включая и экспериментальные темы, не дающие экономического эффекта.

Фирма, не имея зданий, сооружений, оборудования, станков, машин, естественно, ни копейки не тратила на их содержание. Но разве это проблема для дельцов? То, что в одном случае называется расходами, в другом может оказаться прибылью. Как это делается? Очень просто: от заказчика требуют 100 процентов отчислений на... накладные расходы, то есть на несуществующую амортизацию несуществующего оборудования, текущий ремонт, топливо. Требовали деньги даже на ремонт крыши, которой нет... За выполненную работу платили по самой высокой ставке — в десять и более раз больше, чем полагалось.

После расчетов у фирмы оставались значительные суммы, и никого не беспокоило, насколько законны такие доходы, не в ущерб ли государству это делается. Мы уж не говорим о моральной стороне дела, о компрометации социалистического принципа общественных начал.

Вот несколько примеров «деятельности» фирмы. Начальник Северодонецкого филиала опытно-конструкторского бюро автоматики (ОКБА) Живаго заключает с «Поиском» договор на «внедрение системы контроля газов» на Северодонецком химкомбинате. Фирма требует за эту работу 10 тысяч рублей. Руководителем темы назначается Лазарев — заместитель директора «Поиска». «Общественник» Лазарев говорит: хорошо, согласен... за 750 рублей. Маленькая деталь: Лазарев в филиале ОКБА является начальником отдела. Заказчик и исполнитель — един в двух лицах! Все как в сказке: дополнительного времени не затрачивается, а зарплата двойная: одну платит начальник ОКБА, другую — фирма «Поиск». Вот уж поистине: да не оскудеет рука дающего!

Директор завода стеклопластика Халабузяр просит «Поиск» изготовить нужный ему станок для производства трубных колец из стеклопластика. Фирма требует 4,5 тысячи рублей. И поручает это дело Мищенко. А он тоже един в двух лицах — один из руководителей фирмы «Поиск» и начальник производственно-технического отдела того же завода стеклопластика. Среди исполнителей заказа рядом с Мищенко — несколько работников этого предприятия. «Поиск» выплачивает им 2 тысячи рублей. Остальную сумму оставляет себе.

«Многостаночники» из «Поиска» безнаказанно орудовали целый год. Надо полагать, что суд призовет к ответу и покровителей дельцов. Кстати, хапуги прикрывались тем, что фирма создана «общественниками-энтузиастами» под эгидой комитета комсомола.

Внедрение законченных научно-исследовательских работ — дело большой государственной важности. Но нельзя допускать к этому делу мастеров поживиться за счет государства.

В заключение хочется привести слова Героя Социалистического Труда академика Б. Е. Патона из его статьи в «Правде». На вопрос корреспондента: «Как коллектив укрепляет связь науки с производством?» — директор Института электросварки имени Е. О. Патона ответил: «У нас не принято вести принципиальные научные исследования без тесной связи с работами по внедрению. Творческие планы предусматривают все этапы поиска — фундаментальные и прикладные исследования, опытную проверку и внедрение. Такой подход, как определено в решениях XXIV съезда КПСС, сейчас должен стать нормой деятельности научных организаций, и это не может не дать самые богатые плоды».

Нам представляется, что такая точка зрения полностью отвечает государственным интересам.

«Гранд-отеля» господина Кеппти Санто.

Уже известен аппетит олимпийцев. За время игр они съедят 120 говяжьих и свиных и 500 бараньих туш, 10 тысяч цыплят, миллион яиц, пять тонн рыбы, 120 тонн овощей, 43 тонны фруктов и выпьют 331 тысячу бутылок молока. Вот как много весит олимпийская победа!

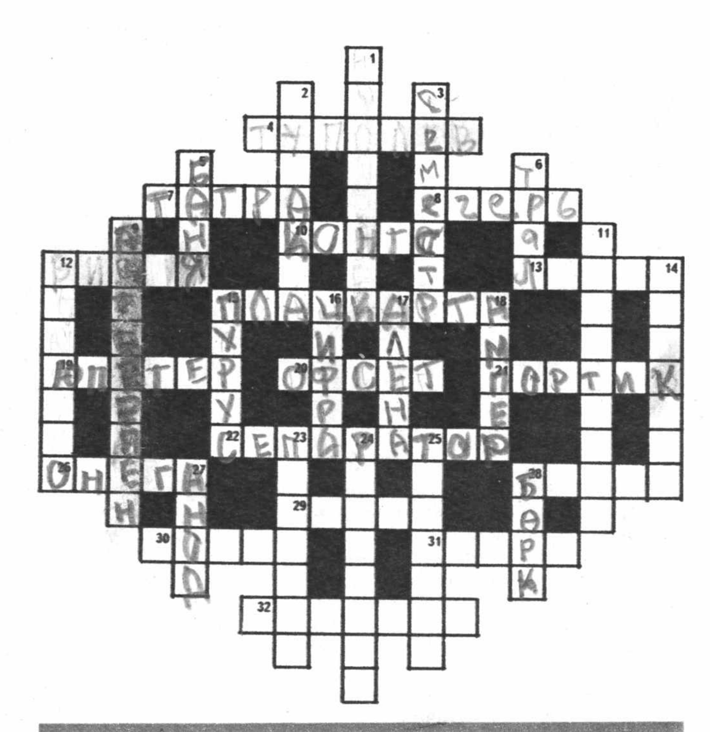
Саппоро — восьмой по значению город страны. По официальным данным, в нем 960 тысяч жителей, так что прибытие в него участников и зрителей Олимпиады сразу же переводит Саппоро в категорию городов-миллионеров. К играм город сделал все, что мог. Построено метро — одна линия с конечной остановкой — олимпийская деревня. За чертой города линия метро выходит на поверхность, но остается замкнутой в прозрачной плексигласовой трубе. Новое шоссе значительно сократило путь от аэродрома до города. На некоторых улицах устроена система обогрева тротуаров. Полтора десятка различных спортивных сооружений подготовлено к играм.

Саппоро — город солнечный, морозный, недаром он был избран как столица Белой олимпиады, но погода всегда вызывает тревогу у организаторов игр. Вспоминаю Кортина д'Ампеццо, Инсбрук и Гренобль. Грузовики со снегом, мчавшиеся подобно пожарным караванам из соседних стран на спасение Белых олимпиад. Но в Саппоро все сложилось иначе. Как раз перед нашим прилетом началась метель, завалившая сугробами весь город. Ну что же, японская зима оказалась предусмотрительной, ведь на Хоккайдо снега на машинах не подвезешь — остров!

Прекрасен Саппоро, украшенный флагами стран-участниц, переливающийся всеми красками одежд, сверкающий свежим снегом. Здесь существует прекрасная традиция: ежегодно проводится праздник снега. На широких площадях и скверах города возникают волшебные видения: дворцы, будды, драконы, слоны, изваянные изо льда. Вот и сейчас Саппоро украсился скульптурами, которые вызывают восторг у гостей.

Все готово для открытия Белой олимпиады. Сейчас, когда пишутся эти строки, заканчиваются самые последние приготовления к стартам. В тот день, когда номер «Огонька» выйдет в свет, борьба уже будет в разгаре.

Саппоро (по телефону).

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Советский авиаконструктор. 7. Курорт в Абхазии. 8. Рассказ А. П. Чехова. 10. Государство в Африке. 12. Перевязочный материал. 13. Горное животное. 15. Железнодорожная квитанция. 19. Планета. 20. Способ печатания. 21. Декорированный вход в здание. 22. Аппарат для разделения смесей твердых или жидких тел. 26. Река в Архангельской области. 28. Русский писатель. 29. Сорт изюма. 30. Порт в Финляндии. 31. Мелодия, напев. 32. Лабораторный сосуд.

По вертикали: 1. Чертежный инструмент. 2. Промысловая рыба. 3. Половина учебного года в высших учебных заведениях. 5. Пьеса В. Маяковского. 6. Рыболовная снасть. 9. Город в Нидерландах. 11. Роман Бальзака. 12. Польский композитор. 14. Дневная бабочка. 15. Приток Амазонки. 16. Знак, обозначающий число. 17. Персонаж повести А. И. Герцена «Сорока-воровка». 18. Единица силы электрического тока. 23. Русский критик, публицист. 24. Кровельный материал. 25. Архипелаг в Тихом океане. 27. Электрод. 28. Двухмачтовое парусное судно.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 4. Леонкавалло. 7. Финал. 8. Точка. 10. Андорра. 12. Диск. 14. Брест. 17. Овен. 18. Алеко. 19. Ессей. 20. Белинский. 21. Декорация. 23. «Смена». 24. Оникс. 26. Янка. 27. «Рудин». 28. Ижма. 31. Окинава. 32. Чибис. 33. Петит. 34. Жардиньерка.

По вертикали: 1. Горлач. 2. Картофель. 3. Алатау. 5. Фиалка. 6. «Скупой». 9. «Неизвестная». 11. Стерлитамак. 13. Секстет. 14. Боливар. 15. Телефон. 16. История. 22. «Задонщина». 23. Самшит. 25. Симеиз. 29. «Косарь». 30. Рапира.

На первой странице обложки: Сотрудник ордена Ленина Арктического и Антарктического научно-исследовательского института Анатолий Николаевич Воробьев. Не раз зимовал он в Арктике, работал инженером-аэрологом на дрейфующей станции. Сейчас Воробьев уже в Антарктиде — начальник станции «Ленинградская».

На последней странице обложки: Птичий базар на мысе Челюскин.

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 17/I-72 г. А 00616. Подп. к печ. 1/II-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 441 Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2400.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Ел. ИВАНОВА

Фото А. БОЧИНИНА,
Е. УМНОВА.

Кляксе нужен свежий воздух...

ТОТ САМЫ

Комната Карандаша. Бросается в глаза кипа адресов, поздравлений; подарки — со всех концов страны... Его любят все: студенты, рабочие, школьники... Вот открытка, на которой старательным детским почерком выведено: «Дорогой наш артист Карандаш, с днем рождения!» А вот модель самолета, подаренная артисту генеральным конструктором Олегом Константиновичем Антоновым... Город Гжель прислал Карандашу смешную стеклянную фигурку: изображение его героя. На стене огромные карандаши с надписью: «Дорогому «Карандашу» от карандашников Донецка». На столе деревянные собачки, прилетевшие из Мюнхена: портрет Кляксы, Клякса-пепельница и Клякса-сигаретница... Сотни телеграмм, мешки писем. Юбиляра поздравляют Театр сатиры, Большой театр, коллективы самодеятельности, военные. Письма со всех концов света: из Франции, Австралии, Швейцарии...

Одиннадцать стран с восторгом принимали Карандаша: Америка, Англия, Финляндия...

— Во Франции,— рассказывает Михаил Николаевич Румянцев, он же Карандаш,— наших артистов всегда встречают «на ура», может быть, потому, что мы не подстраиваемся под зрителя. Где бы мы ни были, мы стараемся донести до публики особенности русского искусства — подать номер, так сказать, в русской упаковке. Вся наша программа до мелочей идет в русском оформлении, да и все у нас свое, не заимствованное: наши костюмы, у женщин наши прически, наш выход на поклоны...

— Как я общаюсь с иностранными зрителями?.. Приходится чаще всего ограничиваться отдельными фразами на французском, итальянском, испанском и других языках; вот скоро поеду в Болгарию, там будет легче — родственная речь. Но ведь это для меня не главное: мое слово — мимика, жест, движение. А всякое действие зрителю всегда понятно.

— Как рождается номер?.. Все стараюсь делать сам. Вот и теперь составляю репертуар, занимаюсь с животными... Кстати, мои звери — ослик и собаки, обе Кляксы,— вместе со мной исколесили весь мир. На скотч-терьерах я остановил свой выбор не случайно: по-моему, они наиболее соответствуют требованиям Карандаша. Видите, у них сейчас глаженый костюм, их постригли. А сначала они меня привлекли именно тем, что были уж очень лохматы и растрепаны; у моего Карандаша тоже ведь был вечно измятый костюм... Ну, что еще... Репризы обычно я сам пишу, лишь изредка это делает кто-то другой... Порой бывает очень трудно раскрыть ту или иную мысль в своем стиле, и тогда я, артист Румянцев, задаю себе вопрос: «А что бы сделал сейчас Карандаш, как бы он поступил?» Уж коли создан реальный образ, то надо и отвечать за него. А искать надо те вещи, которые принимает душа человека.

— Чем я увлекаюсь? В жизни мне все интересно!.. Жить интересно, работать интересно... Люблю рисовать. В молодости писал плакаты, занимался скульптурой, приходилось писать декорации... Люблю философию — без этого, по-моему, нельзя быть комиком.

— Мешает ли мне популярность? Да, порой нельзя на улице появиться!.. Люди словно забывают, что я живой человек, выйду погулять — всюду толпа сопровождает. Соберусь в лес за грибами, а иду с опаской: как бы не узнали. Хотя, в общем-то, радостно... Иногда ребятишки спрашивают, настоящий ли я Карандаш. И не всегда верят, что я тот самый, живой, настоящий...

...Недавно советский цирк отпраздновал 70-летие Михаила Николаевича Румянцева и 50-летие работы Карандаша в цирке... Но, как прежде, выходит на арену знакомый каждому с детства милый, забавный клоун. Он так же неудержимо весел, так же занимательны проделки этого маленького человечка, то грустного, то озорного, то лукавого, то простодушного.

Карандаш — изобретательный трюкач, талантливый сатирик-публицист, основатель замечательных традиций советской клоунады. Работа коверного в цирке не просто заполняет паузы. Она содержательна и остра; она дает незаметно передохнуть другим артистам, переключает внимание зрителя. Карандаш делает это деликатно и ненавязчиво, не мешая, а помогая своим товарищам. Забота о них всегда на первом плане. И советские циркачи платят такой же любовью своему старейшине, считая, что все лучшее у них — от Карандаша.

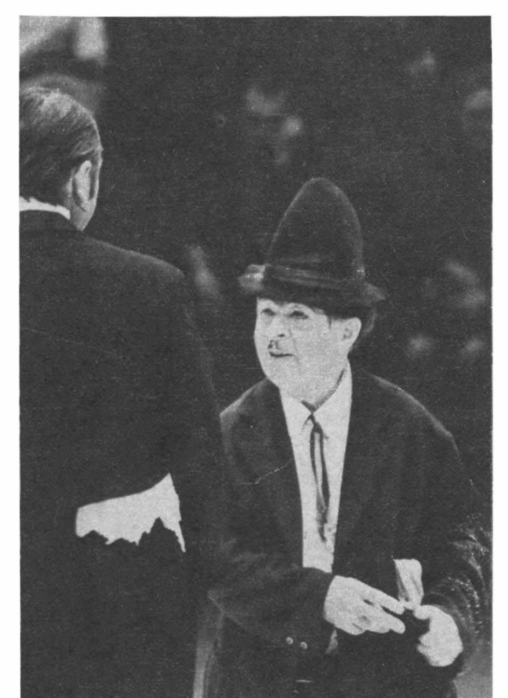
С огромной теплотой говорит о Румянцеве-педагоге его ученик Юрий Никулин.

— В годы учебы мы научились у Карандаша главному: видеть даже в пародийных, шаржевых штрихах живую, человеческую жизнь, цельный характер. «Вы должны освоить законы манежа»,— говорил нам Карандаш, имея в виду весь комплекс работы клоуна в цирке. И это была для всех нас большая и нужная школа.

«Дорогой наш Карандаш!..»

Й КАРАНДАШ

Рождение репризы.

Не уверен — не обгоняй.

Индекс 70663.
Цена номера 30 коп.